

Акстиния А

# Королевский эспрессо с привкусом тротила

18+

Акстиния А

**Королевский эспрессо  
с привкусом тротила**

«Автор»

2026

А А.

Королевский эспresso с привкусом тротила / А. А — «Автор»,  
2026

Вито — просто бариста в туринской спикизи-кофейне. Он умеет делать идеальную пенку и ненавидит свою фамилию. Вот только фамилия у него — Савойский-Аоста. Да-да, те самые короли Италии. Когда его безумный дядя-инженер случайно подключает сейф XIX века к Wi-Fi и взрывает банку вяленых томатов с тротилом, тихая жизнь Вито летит в тартарары. За «Пьемонтским протоколом» — архивом компромата на всю Европу — открывает охоту теневой синдикат. Теперь Вито, хакерша-реставратор Элена, дядя с мушкетом и уставший киллер с аллергией на лактозу колесят по Италии на угнанном фургоне с джелато. Их оружие? Латунный тампер для кофе, фейерверки и просроченный пармезан. Их цель? Спасти историю, не дав ей превратиться в инструмент шантажа. Искрометный экшен, итальянский колорит и секреты монархов в эпоху гаджетов!

## Содержание

|                                                                 |    |
|-----------------------------------------------------------------|----|
| Глава 1. Латте-арт и проклятие предков (Вито)                   | 5  |
| Глава 2. Пыль, пергамент и паника (Дядя Амедео)                 | 10 |
| Глава 3. Синдром выгорания наемника (Лоренцо)                   | 14 |
| Глава 4. Веспа, пули и вяленые томаты (Вито)                    | 19 |
| Глава 5. Девушка, которая знала слишком много о фресках (Элена) | 25 |
| Глава 6. Столкновение на Пьяцца Кастелло (Вито)                 | 29 |
| Глава 7. Допрос с пристрастием (и без глютена) (Лоренцо)        | 34 |
| Конец ознакомительного фрагмента.                               | 40 |

# Акстиния А

## Королевский эспрессо с привкусом тротила

### Глава 1. Латте-арт и проклятие предков (Вито)

Идеальная молочная пенка — это не искусство. Это термодинамика, помноженная на легкую степень социопатии.

Я стоял за стойкой «Il Filtro» — спикизи-кофейни, спрятанной за фасадом прачечной самообслуживания в туринском районе Порта Палацио, и смотрел, как пар под давлением в девять бар превращает холодное молоко в шелковистую, глянцевую массу. Температура ровно шестьдесят пять градусов по Цельсию. Ни градусом больше, иначе белок денатурирует, и напиток будет пахнуть вареной капустой. Ни градусом меньше, иначе пенка не раскроет эфирные масла эспрессо.

Я выключил парootвод, постучал питчером о прорезиненный коврик, чтобы разбить крупные пузыри, и начал вливать молоко в чашку. Движение запястья — плавное, ритмичное, почти гипнотическое. Вверх, вниз, покачивание. На темно-коричневой поверхности крема расцветала идеальная розетка. Симметрия, за которую мой прапрадед, возможно, отрубил бы кому-нибудь голову. Или хотя бы лишил пенсии.

— Вы уверены, что зерна этически собраны? — голос клиента выдернул меня из медитативного транса.

Я поднял глаза. Передо мной стоял парень в водолазке цвета мокрого асфальта и очках в роговой оправе, которые стоили примерно как моя почка на черном рынке. Он выглядел так, будто писал инди-сценарии, которые никогда не будут экранизированы, и глубоко презирал всех, кто ест мясо.

— Сэр, — мой голос звучал ровно, с той самой интонацией выученной вежливости, которая дается только после трех лет работы в общепите, — это Турин. Здесь зерна собирают старые пьемонтские фермеры, которые разговаривают с кофейными кустами на диалекте и поят их красным вином. Если вы хотите, я могу позвонить Луиджи и спросить, не обижал ли он этот конкретный куст в детстве.

Парень в водолазке моргнул, его микро-выражение лица колебалось между возмущением и страхом, что я говорю серьезно.

— Я просто... мне нужен флэт-уайт на безлактозном миндальном молоке. Но чтобы он на вкус был как... ну, знаешь. Как меланхолия осеннего дождя в Париже.

Я медленно моргнул. Мой внутренний сарказм, обычно спящий до одиннадцати утра, расправил крылья и потянулся.

— Меланхолия осеннего дождя в Париже стоит на три евро дороже, — невозмутимо ответил я, сдвигая чашку с идеальной розеткой по мраморной стойке. — И подается с круасаном, который смотрит на вас с разочарованием. Но сегодня у нас акция: экзистенциальный кризис в подарок к любому напитку с альтернативным молоком. Наслаждайтесь.

Парень заплатил, оставив чаевые в виде двух мелких монет и тяжелого вздоха, и ушел в густой туринский туман, который плотным, серым одеялом окутывал город с самого рассвета.

Я выдохнул, опираясь руками о прохладный мрамор стойки, и позволил себе минуту тишины. В «Il Filtro» пахло жареным орехом, темным шоколадом и влажной шерсти — запахом влажной шерсти пальто, который навсегда въедается в одежду любого, кто живет на севере Италии. Здесь было тепло, темно и безопасно. Здесь я был просто Вито. Бариста. Парень, который умеет делать красивую пенку и не задает лишних вопросов.

Никто из посетителей не знал, что моя фамилия не просто «Росси» или «Бьянки», как написано на моем фальшивом бейджике. Моя фамилия — Савойский-Аоста. Да, те самые Савойские. Те, кто в 1861 году, под предводительством Виктора Эммануила II и с подачи хитрого графа Кавура, собрали раздробленную, воюющую друг с другом Италию в единое королевство. Те, кто правил страной восемьдесят пять лет, пока в 1946 году итальянцы не пошли на референдум и не сказали: «Спасибо, ребята, но мы хотим республику, больше пасты и право жаловаться на правительство без страха гильотины».

Мой прапрадед, первый король объединенной Италии, носил усы, которые можно было использовать как вешалку для зимнего гардероба, и подбородок, способный колоть грецкие орехи. Он объединял нацию штыками, дипломатией, интригами и, вероятно, невероятным количеством усного воска. Он скакал на лошади сквозь оружейный огонь и обедал с императорами.

А я? Я объединяю арабику с овсяным молоком и вытираю стойку микрофибровой тряпкой.

История — забавная штука. Она похожа на эспрессо: сначала бьет по рецепторам горечью великих свершений, а потом оставляет кислое послевкусие в виде долгов, налогов на недвижимость за полуразрушенную семейную виллу в пьемонтских холмах и генетической предрасположенности к паранойе. Моя семья не просто потеряла трон. Мы потеряли чувство реальности. Особенно мой дядя Амедео.

И тут, нарушая священную тишину кофейни, зазвонил ОН.

Это был не мой смартфон, лежащий экраном вниз рядом с кассой. Это был тяжелый, черный, бакелитовый дисковый телефон 1954 года, который дядя Амедео лично притащил в кофейню три месяца назад и настоял на подключении к единственной в городе аналоговой линии.

*«Цифровые сигналы перехватываются масонами, Витторио! И коммунистами! И этими проклятыми алгоритмами, которые знают, что я хочу на ужин, еще до того, как я проголодаюсь! Медный провод — это единственная правда в этом мире!»* — кричал он тогда, размахивая паяльником.

Звонок этого телефона звучал не как мелодия. Это был физический, сокрушительный удар по барабанным перепонкам. Механический молот бил по металлическим чашечкам с такой яростью, будто сам Виктор Эммануил II требовал немедленной аудиенции.

**БДДДЗЫНЬ! БДДДЗЫНЬ! БДДДЗЫНЬ!**

Посетитель в углу, читавший Камю, вздрогнул и пролил каплю кортадо на свои замшевые ботинки. Я закрыл глаза, глубоко вдохнул аромат кофейной пыли и потянулся к трубке.

— Алло, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал как человек, который не собирается никого убивать. — Если вы из налоговой, я уже мертв. Если вы из Ватикана, мы больше не продаем индульгенции.

— Витторио! Кровь моей крови! Слезинка на щеке Мадонны! — голос дяди Амедео звучал так, будто он бежал марафон, одновременно жонглируя горячими сковородками. Он задыхался, а на фоне слышалось эхо, типичное для высоких потолков нашей семейной виллы «Вилла делле Омбре» (Вилла Теней), которую местные риелторы называли «Виллой Сырости и Отчаяния».

— Дядя Амедео, — я потер переносицу, чувствуя, как начинается знакомая пульсация в виске. — Я на работе. У меня очередь из людей, которым кофеин необходим, чтобы пережить осознание собственной смертности. Что случилось? Кот снова застрал в камине?

— Забудь про кота! Кот — это агент хаоса, он сам разберется! — проревел Амедео. — Портрет Кавура! Тот, что висит в библиотеке, над камином!

Я закатил глаза. Граф Камилло Бенсо ди Кавур, великий архитектор объединения Италии и, судя по семейным легендам, человек, который никогда не улыбался, даже когда ел трюфели.



— Дядя, мы обсуждали это. Не трогай портрет Кавура. Он смотрит на тебя с осуждением. И от него пахнет нафталином.

— Я не трогал его! Я искал гроссбухи за 1859 год! Те, где записано, сколько Гарибальди был должен твоему прадеду за лошадей и хорошие сапоги! Я потянул раму, Вито. Я просто потянул раму, чтобы посмотреть за холст!

В его голосе звенел такой неподдельный, детский восторг, смешанный с паникой, что у меня по спине пробежал холодок. Дядя Амедео был гениальным инженером, блестящим историком и абсолютным, неисправимым безумцем. Он жил в подвале виллы, окруженный мушкетерами, кофемашинами и теориями заговора.

— И? — медленно спросил я, вытирая руки о фартук. — Кавур упал тебе на ногу?

— Стена открылась, Вито! — зашипел он. — За портретом была ниша. Глубокая. И там стоял сейф. Не электронный, нет! Механический. Латунь, сталь, шестеренки размером с тарелку! Красота! произведение искусства! Но когда я коснулся ручки... щелкнул механизм. Очень громкий, очень девятнадцативековой щелчок. А потом...

Дядя замолчал. В трубке повисла тишина, нарушаемая только его тяжелым, свистящим дыханием.

— А потом что, дядя? — мой голос упал на октаву ниже. Сарказм испарился, уступив место инстинктам, которые, как я считал, дремали во мне с 1946 года.

— А потом раздался писк, — прошептал Амедео. — Тихий, цифровой писк. Витторио, я думаю, я скрестил механическую ловушку королевской гвардии с моим роутером Wi-Fi! Я пытался сделать умный дом!

Я зажмурился. *Умный дом*. В здании шестнадцатого века, где проводка была проложена еще при Муссолини, а фундамент помнил наполеоновские пушки.

— Дядя, скажи мне, что ты не подключил сейф XIX века к интернету.

— Я хотел, чтобы он присылал мне уведомления на смартфон, если кто-то попытается его вскрыть! — оправдывался он тоном ребенка, разбившего окно. — Но, видимо, он отправил уведомление не мне! Витторио, на панели загорелась красная лампочка. И она мигает в такт с сиреной, которую я не слышу, но чувствую зубами! Тихая тревога!

*Тихая тревога*. В мире Савойских это не значило, что приедет полиция. Это значило, что приедут те, кто десятилетиями охотился за семейными секретами. Те, кого дядя называл «Синдикатом», «Теневым Кабинетом» или просто «людьми в дорогих костюмах, которые не едят углеводы».

— Где ты сейчас? — резко спросил я, сбрасывая фартук на стойку.

— В библиотеке. Я вооружен! — гордо отрапортовал Амедео. — У меня в руках сабля кавалерийского офицера 1860 года и... и...

*ДЗЗЗЗЫНЬ! БДЫЩ!*

Звук в трубке был оглушительным. Это был не просто звук разбитой посуды. Это был звук смерти чего-то невероятно дорогого, хрупкого и абсолютно не подлежащего страховке. Звон тысяч осколков, эхом разлетевшихся по паркету.

— *Porca miseria!* — взвыл дядя Амедео на старом пьемонтском диалекте, от которого у меня заныли зубы. — Мой сервиз! Севрский фарфор! Тот, на который Мария-Антуанетта не смотрела, но который стоял в одной комнате с ней! Витторио, я сбил его локтем, когда замахивался саблей!

— Дядя, к черту фарфор! — крикнул я в трубку, игнорируя косые взгляды посетителей. — Они уже едут?

— Я слышу шины на гравии! — паника в его голосе сменилась леденящим спокойствием человека, который понял, что сейчас будет больно. — Черный внедорожник. Два. Нет, три. Витторио, они не звонят в дверь. Они объезжают дом с тыльной стороны, где сад. Они знают про черный ход через оранжерею!

Мое сердце сделало синкопированное джазовое соло о ребра. Оранжерея. Оттуда был прямой путь в подвал, где хранились не только старые налоговые декларации, но и то, что дядя называл «Наследием».

— Слушай меня внимательно, — я говорил быстро, жестко, чувствуя, как в мою кровь впрыскивается адреналин, смешанный с кофеином. — Брось саблю. Она тупая, ты ею только дрова колот. Возьми рюкзак. Тот, желтый, который лежит под столом.

— Рюкзак для апокалипсиса? — голос дяди немного ожил.

— Да. Кидай туда флешку с оцифрованными архивами, банку вяленых томатов и... возьми медный тампер для кофе, который лежит на каминной полке.

— Тампер? Витторио, мы спасаем честь династии, а не варим эспрессо на пикнике!

— Дядя, просто делай, что я говорю! И спускайся в винный погреб. За бочками с бароло 1998 года есть люк. Ты помнишь, куда он ведет?

— В старую дренажную систему, которая выходит к оливковой роще, — отрапортовал Амедео. — Но там темно, Вито! И пахнет плесенью!

— Лучше плесень, чем люди, которые будут пытаться тебя, спрашивая, где ключ от «Пьемонтского Протокола», — отрезал я. — Я буду через двадцать минут. Не высовывайся. И ради всего святого, не пытайся взорвать их динамитом, который ты хранишь в коробке из-под печенья!

— Я не буду! — оскорбленно фыркнул дядя. — Динамит просрочен еще в прошлом году, он теперь годится только для фейерверков!

Связь оборвалась с глухим щелчком.

Я стоял, прижимая трубку к уху, хотя гудков уже не было. Кофейня вокруг продолжала жить своей жизнью. Кофемолка жужжала, эспрессо-машина шипела, выпуская облако пара. Парень за соседним столиком листал страницу книги, даже не подозревая, что в пятидесяти километрах отсюда, в туманных холмах Пьемонта, история Италии только что сошла с рельс и несется прямо в пропасть.

Я медленно положил бакелитовую трубку на рычаг. Посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Это было странно. Я думал, что буду паниковать. Я думал, что буду кричать, бить посуду или, по крайней мере, жаловаться на несправедливость вселенной. Но вместо этого я чувствовал лишь холодную, кристальную ясность.

Это было проклятие крови. Когда Савойские загнаны в угол, они не плачут. Они становятся очень, очень спокойными и начинают планировать, как бы изящнее наступить врагу на горло.

Я вышел из-за стойки, направляясь к маленькому столику в углу, где сидел мой босс, Марко. Марко был хорошим парнем: он не задавал вопросов о моем прошлом, платил налоги (иногда) и позволял мне слушать джаз из динамиков.

— Марко, — сказал я, останавливаясь у его стола. — Мне нужно уйти.

Марко поднял глаза от планшета, поправляя очки. — Вито, сейчас час пик. Очередь до двери. У тебя что-то с кофемашиной?

— Нет, машина в порядке, — я стянул с вешалки свою потертую кожаную куртку, которая пахла старым кофе, дождем и немного бензином. — У меня семейные обстоятельства. Мой дядя случайно активировал сигнализацию девятнадцатого века и, кажется, объявил войну частной военной компании.

Марко моргнул. Посмотрел на меня. Посмотрел на эспрессо-машину. Снова на меня. Он привык к моим шуткам.

— Скажи своему дяде, чтобы в следующий раз активировал сигнализацию в воскресенье, когда мы закрыты, — вздохнул Марко, возвращаясь к планшету. — Иди. Но если ты не вернешься к смене, я удержу стоимость овсяного молока из твоей зарплаты.

— Справедливо, — кивнул я.



Я схватил со стойки ключи от своей Vespa 1964 года — тюнингованного зверя, покрашенного в цвет «британский гоночный зеленый», который я собирал своими руками в гараже. Сунул в карман куртки тяжелый, холодный предмет. Это был не пистолет. Пистолеты — это банально, и их нужно регистрировать. Это был старинный, массивный латунный тампер для кофе, который дядя Амедео подарил мне на восемнадцатилетие. Весом он был граммов восемьсот. Удар таким тампером по коленной чашечке гарантировал, что человек больше никогда не станцует тарантеллу.

Я толкнул тяжелую дубовую дверь «Il Filtro» и вышел на улицу.

Туринский туман — *nebbia* — это не просто погода. Это живое существо. Он обволакивает тебя, проникает под воротник, пахнет мокрым асфальтом, выхлопными газами старых Fiat и тайнами. Он скрывает город, превращая величественные аркады и барочные дворцы в призрачные декорации.

Я надел шлем, щелкнул ремешком на подбородке. Металл ключа холодно скользнул в замок зажигания. Один удар кик-стартером. Двигатель Веспы чихнул, чихнул и заревел низким, злым баритоном, эхом отразившимся от каменных стен прачечной.

Я выжал сцепление и вырвался на мостовую, сливаясь с серым потоком утреннего трафика. Ветер ударил в лицо, даже сквозь визор шлема. Впереди был Пьемонт. Впереди была вилла, безумный дядя, разбитый севрский фарфор и люди, которые очень не любят, когда им мешают грабить историю.

Я прибавил газу. Меланхолия осеннего дождя в Париже подождет. Сегодня нам придется варить кое-что покрепче.

## Глава 2. Пыль, пергамент и паника (Дядя Амедео)

Гудки в бакелитовой трубке звучали как похоронный марш, исполненный на расстроенной волынке. Я медленно опустил телефон на рычаг, чувствуя, как вибрирует латунный корпус аппарата. Мой племянник, Витторио, всегда был парнем с головой. Холодный, как мраморная статуя в садах Борго-Санти-Апостоли, и такой же циничный. Он сказал «двадцать минут». В его устах это звучало как обещание, но в устах Савойских обещания — вещь зыбкая. Мой прадед обещал французам Савойю и Ниццу, а потом трижды передумывал, пока не нашел правильный компромисс.

Я стоял посреди своего «бункера» — просторного, сводчатого подвала Виллы делле Омбре, который пах смесью оружейного масла, жареного кофе, сырой штукатурки и вековой пыли. Это был мой храм, моя лаборатория и моя крепость. Вдоль стен, на дубовых стеллажах, мирно соседствовали кремневые мушкеты пьемонтской пехоты 1848 года и разобранные до винтика эспрессо-машины Faema E61. На верстаке, заваленном мотками медной проволоки и старыми пергаменами, лежал мой главный триумф и моя величайшая глупость.

Я повернулся к нише, зияющей в каменной стене за отодвинутым портретом графа Кавура. Великий архитектор итальянского единства смотрел на меня с холста с тем самым выражением лица, которое обычно бывает у кота, только что сбросившего вазу Ming на пол.

В нише стоял сейф. О, это была не просто железная коробка. Это был шедевр стимпанка и паранойи XIX века. Латунь, черненная сталь, шестеренки размером с десертные тарелки и кодовый замок, требующий не просто цифр, а определенного ритма поворотов. Я нашел его час назад, когда искал гроссбухи, чтобы доказать одному интернет-форуму, что Гарибальди был должен нашему роду за пару отличных кавалерийских сапог. Я просто потянул тяжелую позолоченную раму, и стена, скрипнув так, будто у нее свело суставы, отъехала в сторону.

Но проблема была не в сейфе. Проблема была в том, что я, Амедео Савойский-Аоста, инженер-самоучка и гений бытовой электроники, решил модернизировать его.

*«Умный дом, Амедео! — шептал я себе тогда, вооружившись паяльником. — Виктор Эммануил II сказал: "Италия сделана, теперь нужно сделать итальянцев". А я скажу: Сейф найден, теперь нужно сделать ему Wi-Fi!»*

Я припаял крошечный микроконтроллер ESP8266 к механическому реле замка. Идея была блестящей: если кто-то попытается ввести неверный код, сейф отправит мне push-уведомление на смартфон, а заодно включит кофемашину, чтобы я мог встретить грабителей с горячим эспрессо в руках.

И вот теперь, над массивной стальной ручкой сейфа, мигала крошечная, злобная красная лампочка. *Пи-и-и-п. Пи-и-и-п.* Звук был тонким, цифровым и абсолютно неуместным среди каменных сводов шестнадцатого века.

Я подключил механическую ловушку королевской гвардии к роутеру. И, судя по тому, как именно запищал зуммер, я не просто активировал сигнализацию. Я замкнул контур на старую, аналоговую линию правительственной связи, которую мой отец нелегально врезал в кабель еще в семидесятых, чтобы слушать переговоры карабинеров.

— *Porca puttana miseria*, — выдохнул я, протирая лицо ладонью, испачканной в графитовой смазке. — Я отправил сигнал тревоги не на свой айфон. Я отправил его в эфир. Всем. Кто умеет слушать.

В этот момент я услышал ЭТО.

Сначала это была вибрация. Легкая дрожь, прошедшая через каменный пол, вверх по моим стопам, прямо в колени. Затем — звук. Хруст гравия на подъездной аллее. Это был не мягкий, вежливый хруст шин почтового фургона или электрического скутера курьера с пиццей. Это был тяжелый, агрессивный, жующий звук. Так звучат широкие, внедорожные шины,

обутые на броневики, когда они едут туда, где не нужно спрашивать разрешения. Один автомобиль. Нет, два. Три.

Они не остановились у парадного крыльца. Они объезжали дом, направляясь к черному ходу, через оранжерею.

— Варвары, — прошептал я, чувствуя, как в груди разгорается холодное, кристально ясное возмущение. — Они даже не позвонили в колокольчик. У нас висит латунный колокольчик 1890 года! Он издает звук, как ангел, страдающий мигренью!

Я метнулся к верстаку. Паника — это для тех, кто не читал инструкцию к тостеру Philips 1978 года. В главе четвертой, «Устранение неполадок», черным по белому было написано: *«Если нагревательный элемент не включается, проверьте предохранитель. Если предохранитель цел, а из кухни доносятся шаги людей в тактических жилетах, немедленно эвакуируйтесь через запасной выход».*

Я схватил свой желтый рюкзак для апокалипсиса. Он висел на крюке рядом с чучелом фазана, которого я нашел в саду в прошлом году и решил, что он выглядит достаточно исторично, чтобы его не выбрасывать.

Первым делом — флешка. Она лежала в сейфе для паяльников, внутри полого латунного болта. Флешка была не просто куском пластика. Она была выточена из серебра в форме Савойского узла и содержала оцифрованные архивы. То самое «Наследие». Все, что Кавур, Виктор Эммануил и мой дед собирали десятилетиями. Долговые расписки, компромат, карты, пароли. В цифровом виде это весило сто двадцать восемь гигабайт. В физическом — сто двадцать восемь гигабайт чистой, неразбавленной власти над половиной европейских элит. Я сунул серебристый узел в боковой карман рюкзака, похлопав по нему, как по щеке спящего ребенка.

Вторым делом — сабля. Кавалерийская шашка образца 1860 года. Я схватил ее с настенного крепления. Ножны были потертые, кожа пахла старым потом и конским потом, но клинок внутри был смазан и остер. Я не умел фехтовать. Последний раз, когда я держал ее в руках, я использовал ее, чтобы срезать засохшие ветки с лимонного дерева. Но вес у нее был приятный, успокаивающий. Граммов восемьсот стали, способных убедить любого оппонента в неправоте его геополитических взглядов.

И, наконец, консервация.

Я подошел к стеллажу, где хранились банки, оставленные моим дядей (и последним королем) Умберто II перед тем, как он в 1946 году сел на корабль и уплыл в изгнание, бросив ключи от страны на стол в Квиринальском дворце. Умберто был человеком подозрительным и практичным. Он не доверял республиканцам, не доверял коммунистам и, честно говоря, не доверял даже поварам.

Я взял банку из толстого, мутного стекла. На выцветшей этикетке, написанной от руки чернилами, которые давно окислились до ржавого цвета, было выведено: *«Pomodori Secchi. Proprietà di Casa Savoia. 1946».* Вяленые томаты.

Я постучал ногтем по стеклу. Звук был не стеклянным, а глухим, металлическим. Внутри, под слоем оливкового масла и сушеных трав, плавала не только сладкая, вяленая мякоть помидора черри. Там был тротил, стальной шарикоподшипниковый контур и фрикционный запал, замаскированный под стебелек. Король Умберто II знал: если за тобой придут с конфискацией имущества, лучший способ защитить фамильное серебро — это угостить конфискаторов закуской, которая превратит столовую в кратер.

Я аккуратно, с нежностью, положил три банки томатов в рюкзак, переложив их старыми носками, чтобы они не звенели.

**БАМ!**

Звук удара пришелся где-то наверху, в районе кухни. Тяжелый, глухой звук выбиваемой дубовой двери. За ним последовал звон разбитой майоликовой плитки, которую я лично клеил в прошлом месяце.

— *Avanti!* — крикнул я в потолок, хотя они меня не слышали. — Заходите, гости дорогие! Только вытирайте ноги, я тут полы мыл!

Голоса. Приглушенные, короткие, профессиональные. Никаких криков, никаких «руки вверх». Только сухие команды на итальянском, с легким, едва уловимым акцентом — возможно, восточноевропейским, а может, просто корпоративным. Такие голоса бывают у людей, которые убивают за деньги и требуют за это налоговый вычет.

Тяжелые шаги застучали по паркету первого этажа. Они двигались быстро, методично прочесывая комнаты. Пыль, веками спавшая на потолочных балках подвала, посыпалась вниз, щекоча нос и оседая на моих очках. Я чихнул, тихо, в кулак.

— Так, Амедео, думай, — прошептал я себе, поправляя рюкзак на плечах. — Витторио сказал: винный погреб. Бочки с бароло 1998 года. Люк.

Я двинулся вглубь подвала, лавируя между стеллажами. Мой бункер был похож на лабиринт Минотавра, если бы Минотавр был одержим коллекционированием кофемолок и старых радиоламп. Я перешагнул через разобранный двигатель от Fiat 500, увернулся от свисающего с потолка макета дирижабля и нырнул в узкий проход, ведущий к винному погребу.

Шаги наверху стали громче. Они нашли лестницу, ведущую вниз.

— *Цель в подвале. Работаем аккуратно, клиент хочет архив целым. Хозяина — по обстоятельствам,* — донесся до меня глухой голос сквозь щели в половых досках.

*По обстоятельствам,* — мысленно фыркнул я. — Как мило. Как бюрократично. Виктор Эммануил II в таких случаях говорил: «Моя жизнь принадлежит Италии, но моя задница принадлежит мне, и я не подставляю ее под ваши пули».

Я выскочил в винный погреб. Здесь пахло иначе. Воздух был густым, влажным, насыщенным ароматом дуба, плесени, благородной гнили и испаряющегося спирта. Ангельская доля. Вдоль стен, в нишах, выложенных старым кирпичом, лежали сотни бутылок, покрытых пылью и паутиной. В центре стояли массивные дубовые бочки.

Я подбежал к бочкам с надписью «Barolo Riserva 1998». Отличный год. Вино было густым, как кровь, и дорогим, как совесть политика. Но сейчас меня интересовало не вино.

Я присел на корточки, светя фонариком на смартфоне. За бочками, в самом темном углу, где кирпичная кладка была особенно неровной, должен был быть люк. Старая дренажная система, построенная еще при французах, чтобы отводить воду из оранжереи в оливковую рощу.

Я отодвинул пустой деревянный ящик. Кирпичи. Просто кирпичи.

— Ну же, ну же, — забормотал я, ощупывая кладку пальцами. — Не может быть, чтобы дед просто замуровал нас здесь. Он был параноиком, но не идиотом.

Шаги на лестнице погреба. Скрип ступеней. Луч мощного тактического фонаря скользнул по бочкам, выхватив из темноты облака винной пыли.

— Есть кто? — голос был холодным, как лед в коктейле.

Я затаил дыхание, прижавшись спиной к холодной, влажной бочке. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь гулким эхом в ушах. Я сжал в правой руке рукоять сабли. В левой — банку вяленых томатов. Если они найдут меня, я кину банку и буду надеяться, что фрикционный запал сработает от удара о бочку. Хотя, по правде говоря, я никогда не проверял их на практике. Вдруг король Умберто просто любил консервировать помидоры в железных банках?

Нет, не любил. Я помню, как в детстве дядя бросил одну такую банку в пруд, и она взорвалась, уложив на берег трех лягушек и оглушив карпа.

Луч фонаря метнулся влево, затем вправо. Он был близко. В трех метрах от меня. Я видел тень наемника, падающую на кирпичную стену. Высокий, широкоплечий, с автоматом, прижатым к груди.

И тут мой палец нащупал углубление. Не в кирпиче. В растворе.

Я надавил. Кирпич с тихим, влажным чмоканием ушел внутрь, а затем сдвинулся в сторону, открывая ржавое железное кольцо, вмонтированное в каменную плиту.

Я ухватился за кольцо обеими руками и потянул. Плита не шелохнулась. Семьдесят лет ржавчины и сырости намертво склеили металл с камнем.

— Эй! Тут следы! — крикнул наемник, заметив сдвинутый ящик. Луч света ударил мне прямо в лицо, ослепляя. — Стой! Руки!

У меня не было времени думать. У меня не было времени цитировать Кавура. Я действовал на чистых инстинктах и адреналине. Я выхватил саблю из ножен — сталь со свистом рассекла сырой воздух — и вогнал острое клинка в щель между плитой и полом, используя эфес как рычаг.

— *Italia farà da sé!* (Италия сделает себя сама!) — заорал я, наваливаясь на рукоять всем своим весом.

Сталь заскрипела. Суставы мои затрещали. И тут, с противным, скрежещущим звуком, плита поддалась, сдвинувшись на полметра и открывая зияющий, абсолютно черный провал, из которого пахло холодной землей и стоячей водой.

Наемник поднял автомат.

Я не стал ждать. Я сунул саблю обратно в ножны, прижал к груди рюкзак с томатами и флешкой и, зажмурившись, прыгнул в темноту.

Полет был коротким, но насыщенным. Я почувствовал, как холодный, затхлый воздух ударил в лицо, как что-то царапнуло меня по плечу, и затем — **ПЛЮХ!**

Ледяная, грязная вода сомкнулась над моей головой, мгновенно пропитывая одежду и пробирая до костей. Я вынырнул, жадно глотая воздух, пахнувший тиной и ржавчиной. Над головой, в прямоугольнике света, падающего из люка, мелькнули силуэты людей. Один из них что-то кричал, другой светил фонарем в воду.

— Он ушел в коллектор! Перекройте выходы в роще! — донеслось до меня искаженное эхо.

Я не стал отвечать. Я развернулся и, шлепая мокрыми ботинками по колению в жиже, побрел вглубь туннеля, прочь от света, прочь от виллы, прочь от моей спокойной, размеренной жизни безумного инженера.

Вода была холодной, рюкзак тянул плечи вниз, а в голове, перекрывая шум капающей со сводов воды, звучала только одна мысль:

*«Надеюсь, Витторио привезет с собой термос с горячим кофе. Иначе я простужусь и умру, а Савойские не должны умирать от банального насморка. Это не по-королевски».*

Я поглубже надвинул на глаза свою промокшую фетровую шляпу и шагнул в абсолютную темноту пьемонтских катакомб. История Италии, как говаривал граф Кавур, пишется не чернилами. Она пишется грязью, потом и, иногда, вялеными томатами с тротилом. И сегодня мне предстояло написать целую главу.

### Глава 3. Синдром выгорания наемника (Лоренцо)

Я ненавижу понедельники. Нет, это клише. Я ненавижу все дни недели, но понедельники обладают особой, концентрированной формой уныния, свойственной только корпоративным убийцам и людям, работающим в службе поддержки провайдеров.

Сегодня был вторник. Но по уровню экзистенциального отвращения он уверенно обгонял любой понедельник.

Я сидел за рулем черного Mercedes G-класса, припаркованного в тенистом переулке в двух кварталах от Виллы делле Омбре. Двигатель работал на холостых оборотах, кондиционер гнал прохладный воздух, пахнувший дорогим кожаным сиденьем и моим собственным разочарованием в жизни. На пассажирском сиденье лежал мой пиджак от Brioni, который стоил больше, чем годовая аренда квартиры в Турине, и который немилосердно жал мне в плечах.

Меня зовут Лоренцо Ферро. В определенных, очень узких и очень дорогих кругах меня знают как «Мастино» — Гончую. Я фиксер. Решала. Человек, который делает так, чтобы проблемы исчезали, а документы появлялись. Я не киллер. Киллеры — это грязно, шумно и привлекает внимание карабинеров. Я — хирург. Я вырезаю опухоли из реальности.

Но сегодня мой босс, Коммендаторе Галтьери, решил, что мы занимаемся не хирургией, а банальным гоп-стопом.

— Мастино, — голос Галтьери в Bluetooth-гарнитуре звучал так, будто он жевал что-то очень дорогое и вязкое. Возможно, трюфель. Или чью-то печень. — Группа Альфа на позиции?

Я вздохнул, глядя в зеркало заднего вида. Мои глаза смотрели на меня с усталостью человека, который не спал трое суток и питался только эспрессо и антацидами.

— Группа Альфа у парадного крыльца, Коммендаторе. Группа Бета обходит через оранжевую. Ждем вашей команды.

— Отлично, — промурлыкал Галтьери. — Помни, Лоренцо: нам нужен архив. Физический носитель. Флешка, диск, пергамент — неважно. Старика Савойского взять живым. Он единственный, кто знает, как расшифровать протокол. Если он будет сопротивляться... ну, ты понимаешь. Убедительные аргументы.

Я поморщился. «Убедительные аргументы». Галтьери обожал эвфемизмы. Он мог приказывать сжечь деревню, назвав это «термической рекультивацией ландшафта».

— Понял, — сухо ответил я. — Но, Коммендаторе, позвольте уточнить. Мы вламываемся в дом потомка королей, чтобы украсть флешку? Это не кажется вам... немного мелким? Мы же обычно работаем с картелями и коррумпированными министрами.

В трубке повисла пауза. Галтьери не любил, когда ему задавали вопросы. Он любил, когда ему кивали.

— Лоренцо, ты знаешь, что такое «Пьемонтский Протокол»? — его голос стал тише, опаснее.

— Исторический артефакт, — пожал я плечами, хотя Галтьери этого не видел. — Что-то связанное с объединением Италии в девятнадцатом веке. Граф Кавур, Виктор Эммануил, Гарибальди. Я думал, это просто скучные даты в школьном учебнике.

— Это не даты, Лоренцо, — Галтьери усмехнулся, и этот звук вызвал у меня легкую тошноту. — Это фундамент современной Европы. Когда Кавур и Савойские объединяли Италию, они не просто воевали. Они договаривались. Они шантажировали. Они брали в долг. «Пьемонтский Протокол» — это архив. В нем лежат расписки, компромат, тайные договоры. Долги австрийских Габсбургов, компромат на Папу Римского 1860-х годов, списки тех, кто финансировал Гарибальди в обмен на земли. Это архив, который связывает нынешнюю элиту с их предками. Если мы его получим, мы сможем диктовать условия Брюсселю, Риму и Берлину. Мы станем не просто синдикатом, Лоренцо. Мы станем теневым правительством.

Я закрыл глаза. Теневое правительство. Серьезно? Мне тридцать четыре года, у меня непереносимость лактозы, хроническая бессонница и ипотека на апартаменты в Милане. Я не хочу быть в теневом правительстве. Я хочу на Бали. Я хочу лежать в гамаке, пить кокос через трубочку и не знать, как пишется слово «компромат».

— Звучит... амбициозно, Коммендаторе, — выдал я. — Но старик Савойский — параноик. Вилла наверняка напичкана ловушками.

— Поэтому я послал лучших, — отрезал Галтьери. — Начинайте. И Лоренцо? Не disappoint me.

Связь оборвалась.

Я посмотрел на часы. 10:14. Самое время для того, чтобы разрушить чью-то жизнь.

Я нажал кнопку на рации. — Альфа, Бета. Вход. Работаем тихо.

На экранах мониторов, выведенных с камер наемников, я увидел, как Группа Альфа выбивает парадную дверь. Профессионально, быстро, с использованием гидравлического тарана. Никакого шума, только глухой удар и треск дерева. Группа Бета, тем временем, срезала замок на черном ходе в оранжерее.

Я вышел из машины, поправляя кобуру подмышкой. Мне нужно было видеть это своими глазами. Не потому что я люблю насилие — я его ненавижу, оно пачкает костюмы и оставляет неприятный осадок, — а потому что мне нужно было убедиться, что старик не сбежит.

Я неспешно прошел по аллее, усыпанной гравием. Вилла делле Омбре выглядела именно так, как и должна выглядеть резиденция обедневшей аристократии: величественно, мрачно и требующей срочного ремонта крыши. Фасад был покрыт плющом, который, казалось, пытался задушить здание.

Когда я вошел в дом, там уже пахло пылью и озоном — запахом выстрелов из электрошкеров. Группа Альфа закончила зачистку первого этажа.

— Чисто, Синьор Ферро, — отрапортовал капитан Альфы, здоровый парень с шрамом через всю щеку, который выглядел так, будто его собрали из запчастей от разных терминаторов. — Ни души. Но следы есть. Кто-то спускался в подвал.

Я кивнул, проходя в гостиную. Мой взгляд зацепился за детали. Разбитая майоликовая плитка. Опрокинутая ваза с сухими цветами. И, что самое странное, на полу лежал осколок севрского фарфора. Я присел, поднял его. На осколке была видна часть герба.

*Савойские*, — подумал я. — *Они разбили свой же фамильный сервиз. В спешке.*

— Он в подвале, — сказал я, вставая. — Спускаемся.

Лестница в подвал была узкой, каменной, скрипящей под нашими тактическими ботинками. Воздух здесь был другим: сырым, тяжелым, пахнущим старым железом и... кофе?

Мы вошли в бункер. И я замер.

Это было не просто хранилище. Это был музей безумия. Мушкетеры соседствовали с кофемашинами. На верстаке лежали разобранные платы и старинные пергаменты. А в центре комнаты, за отодвинутым портретом какого-то хмурого мужика в жабо, зияла ниша с массивным сейфом. Над сейфом мигала красная лампочка.

— Вот это я понимаю, ретро-футуризм, — пробормотал один из бойцов, разглядывая сейф.

Я подошел к верстаку. На нем лежал паяльник, мотки проволоки и... пустая банка из-под вяленых томатов. Я понюхал ее. Пахло орегано и... тротилом?

— Не трогать банки! — рявкнул я, и бойцы инстинктивно отшатнулись. — Этот старик, похоже, не просто параноик. Он инженер-террорист.

Мы прочесали бункер. Люк в полу был открыт. Из него тянуло сыростью.

— Он ушел в дренаж, — сказал капитан Альфы, светя фонарем в черную дыру. — Выходит в оливковую рощу.

Я посмотрел на часы. 10:27. Старик двигался быстро для человека его возраста.



— Бета, перехватить в роще! — скомандовал я в рацию. — Альфа, со мной. Мы идем за ним.

Мы спустились в коллектор. Вода была по колено, холодная и вонючая. Мой дорогой костюм (ну, точнее, тактические брюки, стилизованные под костюм) мгновенно промок. Я почувствовал, как внутри меня закипает глухая, холодная ярость.

*Я ненавижу эту работу, — подумал я, шлепая по воде. — Я ненавижу Галтьери. Я ненавижу Савойских. И больше всего я ненавижу, что у меня нет аллергии на сырость, потому что сейчас бы я просто чихнул, ушел на больничный и лежал дома.*

Мы брели по туннелю минут десять. Лучи фонарей выхватывали из темноты крыс, которые смотрели на нас с немым осуждением, и старые кирпичные своды.

Внезапно впереди послышался шум. Голоса.

— ...и я говорю тебе, Вито, что Кавур был масоном! Все эти его треугольники на портретах! — это был голос старика. Громкий, возмущенный, театральный.

— Дядя, заткнись и гребешь, — ответил второй голос. Молодой, уставший, саркастичный.

Я жестом остановил своих людей. Мы прижались к стенам, выключив фонари. Впереди, метрах в пятидесяти, виднелся прямоугольник света. Выход из коллектора.

— Работаем аккуратно, — прошептал я. — Старика берем живым. Молодого... по обстоятельствам.

Мы бесшумно двинулись вперед. Я достал пистолет с глушителем. Не потому что хотел убивать, а потому что таков протокол.

Когда мы вышли из туннеля, мы оказались в густой оливковой роще. Туман здесь был еще гуще, он висел между деревьями, как вата.

Посреди рощи стояла винтажная Vespa, покрашенная в зеленый цвет. Рядом с ней, отряхиваясь от воды и ругаясь на чем свет стоит, стоял старик в промокшей фетровой шляпе и желтом рюкзаке. А молодой парень, Вито, как его назвал дядя, пытался завести мотор.

— Вито, я тебе говорю, они нас слышали! — кричал старик, размахивая руками. — У них собаки! Я чувствую запах овчарок!

— Дядя, у них нет собак, у них просто насморк от сырости, — огрызнулся Вито, пнув кик-стартер. Мотор чихнул, но не завелся.

Я вышел из тумана, держа пистолет наготове. Мои люди окружили их, взяв в полукольцо.

— Доброе утро, синьоры, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал вежливо, но твердо. — Боюсь, ваша прогулка окончена. Руки вверх, пожалуйста. И отойдите от мопеда.

Старик замер, медленно поворачиваясь ко мне. Его глаза за толстыми очками расширились.

— А! Люди в дорогих костюмах! — воскликнул он, указывая на меня пальцем. — Я знал! Галтьери послал своих псов! Скажи своему хозяину, что Савойские не сдаются!

Вито медленно выпрямился. Он был ниже меня, худее, но в его взгляде не было страха. Только бесконечная, вселенская усталость и легкое раздражение.

— Послушайте, — сказал Вито, поднимая руки, но не до конца. — Мы просто хотели уехать. У нас нет никаких флешек. Дядя просто любит конспирологию. Отпустите нас, и я куплю вам всем кофе. Хороший кофе. Не из автомата.

Я усмехнулся. Парень пытался договориться. Это было мило. И наивно.

— Кофе — это хорошо, — ответил я. — Но мой босс предпочитает архивы девятнадцатого века. Так что рюкзак, старик. И флешку.

Старик прижал рюкзак к груди. — Никогда! Это наследие! Это кровь Италии!

— Дядя, отдай им рюкзак, — тихо сказал Вито.

— Что?! — взвизгнул Амедео. — Витторио, ты предал династию!

— Дядя, у них пушки. У нас — мокрая Vespa и банка томатов. Отдай.

Я нахмурился. *Банка томатов?*

Старик, тяжело дыша, медленно снял рюкзак и протянул его мне. Я кивнул одному из бойцов, и тот подошел, забрал рюкзак.

— Отлично, — сказал я, не опуская пистолет. — А теперь флешка.

— Она в боковом кармане, — буркнул старик.

Боец открыл карман, достал серебряную флешку в форме узла и показал ее мне.

— Есть, Синьор Ферро.

Я кивнул. Миссия выполнена. Почти.

— А теперь, — сказал я, глядя на Вито, — вы двое поедете с нами. Коммендаторе хочет поговорить.

Вито вздохнул. Глубоко, так, как вздыхают люди, которым предстоит очень долгий и очень скучный день.

— Слушайте, — сказал он. — Я не знаю, кто такой Коммендаторе, но у меня смена в кофейне через два часа. Если я опоздаю, мой босс удержит стоимость овсяного молока из моей зарплаты. Может, мы просто разойдемся?

Я посмотрел на него. В его глазах была такая искренняя тоска по нормальной жизни, что у меня на секунду защемило где-то в груди. Я понял его. Я тоже хотел, чтобы меня просто отпустили.

Но правила есть правила.

— Садитесь в машину, — жестко сказал я. — И не пытайтесь бежать. Мои ребята стреляют лучше, чем варят кофе.

Вито посмотрел на дядю. Дядя Амедео посмотрел на Вито. И в этот момент я увидел, как уголок рта старика дрогнул в едва заметной ухмылке.

— Вито, — громко сказал Амедео. — Помнишь, что я говорил про томаты?

Вито моргнул. Его глаза расширились.

— Дядя, нет...

Но было поздно.

Боец, державший рюкзак, решил проверить содержимое. Он расстегнул молнию и сунул руку внутрь. Его пальцы нащупали банку.

— Что это? — спросил он, доставая стеклянную банку с мутным маслом и красными ошметками.

— Это... это закуска, — сказал Амедео невинным голосом. — Вяленые томаты. Очень острые.

Боец хмыкнул и, не глядя, открутил крышку.

Я увидел, как Вито рванулся вперед, хватая дядю за руку и падая на землю.

— ЛОЖИСЬ! — заорал Вито.

Я инстинктивно нырнул за ствол ближайшего оливкового дерева.

*БУМ!*

Взрыв был не таким сильным, как в голливудских фильмах, но достаточно мощным, чтобы выбить землю из-под ног. Волна жара, осколки стекла и облако едкого, пахнущего органиано дыма накрыли поляну.

Когда дым рассеялся, я увидел, что трое моих бойцов лежат на земле, оглушенные, покрытые красной жижей и оливковым маслом. Боец с флешкой и рюкзаком вообще исчез — его отбросило в кусты.

А посреди поляны, оседлав винтажную Vespa, сидели Вито и Амедео. Мотор Vespa на этот раз завелся с первого раза, издав злобный, торжествующий рев.

— *Arrivederci*, синьор Ферро! — крикнул Амедео, поправляя съехавшую набок шляпу. — Передавайте привет Галтьери! И скажите ему, что его костюм ему не идет!

Вито, держась за руль, бросил на меня последний взгляд. В этом взгляде было извинение, насмешка и обещание, что мы еще встретимся.

Затем Vespa рванула с места, взметнув облако пыли и листьев, и скрылась в тумане, оставив после себя только запах тротила, жареного чеснока и моего полного, абсолютного провала.

Я медленно встал, отряхивая пиджак от земли и оливкового масла. Мои бойцы стонали, приходя в себя.

Я достал телефон и набрал номер Галтьери.

— Да? — голос босса был нетерпеливым. — Архив у вас?

Я посмотрел на кусты, где валялся мой боец с пустым рюкзаком. Флешки не было.

— Коммендаторе, — сказал я, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно ломается.

— У нас небольшие технические трудности.

— Какие еще трудности, Мастино? — прорычал Галтьери.

Я вздохнул, глядя на следы шин, уходящие в туман.

— Синьор Савойский... угостил нас закусками.

В трубке повисла мертвая тишина.

Я убрал телефон в карман. Моя жизнь, и без того не сахар, только что превратилась в горький, пережаренный эспрессо. И мне предстояло выпить его до дна.

Я повернулся к своим людям.

— Подъем, — устало сказал я. — Садитесь в машины. Мы едем в Турин.

— Зачем, босс? — простонал один из бойцов, вытирая томатную пасту с лица.

— Потому что, — ответил я, садясь в G-класс и заводя двигатель, — нам нужно найти бариста, который умеет варить кофе с тротилом. И, кажется, я знаю, где его искать.

Mercedes тронулся с места, увозя меня прочь от оливковой рощи, прочь от провала и навстречу самому странному, самому абсурдному и, возможно, самому опасному преследованию в моей жизни.

Синдром выгорания достиг своей финальной стадии. Теперь мне оставалось только одно: сгореть красиво.

## Глава 4. Веспа, пули и вяленые томаты (Вито)

Туман в Пьемонте не просто скрывает дорогу. Он ее пожирает.

Я гнал «Зеленую Молнию» — мою Vespa 1964 года, перекрашенную в британский гоночный зеленый и тюнингованную до состояния, при котором любой инспектор ASL упал бы в обморок от одного взгляда на карбюратор — по узкой проселочной дороге, ведущей к Вилле делле Омбре. Ветер, даже сквозь визор шлема, бил в лицо холодными, влажными пальцами. Двигатель ревел на шести тысячах оборотов, вибрируя так, что у меня немели бедра и звенели зубы. Я чувствовал каждый камешек под колесами, каждый поворот руля, каждое биение поршня. Эта Веспа была не транспортом. Она была продолжением моей нервной системы. И сейчас моя нервная система кричала матом на трех языках.

Двадцать минут. Я обещал дяде двадцать минут. Я уложился в восемнадцать. Но когда я увидел впереди, сквозь серую пелену, силуэт фамильного особняка, мое сердце сделало неприятный кульбит.

У парадного крыльца стояли три черных внедорожника. Двери были распахнуты. На гравии валялись гильзы. Не от боевых патронов — от электрошокеров или сигнальных. Но сам факт их присутствия говорил об одном: я опоздал. Или, что хуже, я приехал ровно вовремя, чтобы стать свидетелем конца нашей семейной истории.

Я сбросил газ, выжал сцепление и свернул с дороги в оливковую рощу, окаймляющую виллу с тыльной стороны. Двигатель заурчал тише, превратившись в низкое, угрожающее ворчание. Я заглушил мотор, откинул подножку и снял шлем. Холодный, сырой воздух ударил в лицо, пахнувший мокрой землей, гниющей листвой и чем-то еще... чем-то химическим. Озоном. И страхом.

Я вытащил из кармана куртки латунный тампер. Восемьсот граммов холодной, увесистой правды. Пистолетов я не признавал. Пистолеты требуют лицензии, чистки, моральных дилемм и умения целиться. Тампер требовал только одного: размаха и отсутствия совести. Я сжал его так, что костяшки пальцев побелели, и двинулся сквозь деревья.

Оливковые стволы, искривленные веками, стояли как молчаливые стражи. Туман цеплялся за ветви, превращая рощу в декорации к дешевому хоррору. Я ступал осторожно, стараясь не хрустеть сухими ветками. Мои кроссовки скользили по влажному мху. Дыхание я задерживал, выдыхая только тогда, когда шум ветра заглушал звук.

И тогда я услышал голоса.

— ...и я говорю тебе, Вито, что Кавур был масоном! Все эти его треугольники на портретах! — голос дяди Амедео, хриплый, возмущенный, театральный, резал туман, как ржавая пила.

Я ускорил шаг, раздвигая мокрые ветки. Впереди, у старого каменного водостока, зияющего черной пастью в склоне холма, стоял он. Дядя Амедео. Промокший до нитки, в съехавшей набок фетровой шляпе, в желтом рюкзаке, который выглядел так, будто пережил ядерный апокалипсис и решил, что ему этого мало. Он отряхивался, как мокрый спаниель, и ругался на пьемонтском диалекте, перемежая проклятия с цитатами из мемуаров Гарибальди.

— Дядя! — шепотом позвал я, выходя из-за ствола.

Он вздрогнул, резко обернулся, и его очки запотели от облегчения.

— Витторио! Кровь моя! Ты приехал! Я знал, что Савойская кровь не подведет! Хотя, честно говоря, я рассчитывал на вертолет. Или хотя бы на Fiat Panda с полным приводом. Но Веспа... это стильно. Это по-нашему.

— Где рюкзак? — я не стал тратить время на сантименты. Мой взгляд сканировал периметр. Туман. Деревья. Тишина. Слишком много тишины. — Флешка у тебя?

Дядя Амедео хмыкнул, похлопывая себя по внутреннему карману промокшего плаща, и с хитрым видом подмигнул.

— Флешка-то у меня, Витторио! Я же не идиот, чтобы носить «Наследие» в рюкзаке с носками! Я переложил серебристый узел в карман, пока ты отвлекал этих корпоративных шакалов разговорами про латте-арт! А в желтом мешке остались только старые шарфы и муляжи томатов. Пусть Галтьери наслаждается взрывом хлопка и шерсти!

Я выдохнул, чувствуя, как напряжение на секунду отпускает челюсть. Дядя был абсолютным безумцем, но гениальным.

— Отлично. Тогда садись. Уезжаем. Сейчас же.

Я развернулся к Веспе, уже мысленно просчитывая маршрут: вниз по холму, через виноградники, на провинциальную SP-42, затем влиться в утренний поток фургонов с молоком и надеяться, что туман скроет наш зеленый силуэт.

Но вселенная, как известно, обладает отвратительным чувством юмора.

— Доброе утро, синьоры.

Голос прозвучал справа. Спокойный. Вежливый. Холодный, как лед в мартини.

Я медленно повернулся.

Из тумана, как призраки в тактической экипировке, вышли пятеро. Впереди стоял мужчина в дорогом, но уже испачканном грязью пиджаке. Лицо усталое, глаза мертвые, поза расслабленная, но готовая к рывку. В руке — пистолет с глушителем, направленный в землю, но не спущенный с предохранителя. Профессионал. Из тех, кто убивает не из злобы, а из графика.

— Боюсь, ваша прогулка окончена, — продолжил он. — Руки вверх, пожалуйста. И отойдите от мопеда.

Дядя Амедео замер. Его глаза за толстыми линзами расшились, затем сузились, затем снова расширились. Он медленно поднял руку и указал на незнакомца пальцем, как прокурор на суде.

— А! Люди в дорогих костюмах! — воскликнул он, и в его голосе зазвенел неподдельный, почти радостный ужас. — Я знал! Галтьери послал своих псов! Скажи своему хозяину, что Савойские не сдаются! Мы отступаем тактически! Как Наполеон под Ватерлоо! Только в обратную сторону!

Я медленно поднял руки. Не до конца. Локти согнуты, ладони открыты. Поза, которая говорит: «Я не угрожаю, но и не собираюсь умирать стоя». Мой мозг работал на перегрузке, перебирая варианты. Пятеро. Глушители. Тактическая выучка. У меня — тампер и Веспа с разгоном до восьмидесяти километров в час по прямой. Шансы: ноль целых, хрен десятых.

— Послушайте, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрожал. Сарказм — моя броня. Если я шучу, значит, я еще жив. — Мы просто хотели уехать. У нас нет никаких флешек. Дядя просто любит конспирологию и вяленые помидоры. Отпустите нас, и я куплю вам всем кофе. Хороший кофе. Не из автомата. С правильной пенкой. Я даже латте-арт сделаю. Лебеда. Или единорога. Что сейчас в тренде у наемников?

Мужчина в пиджаке усмехнулся. Уголок его рта дрогнул, но глаза остались ледяными.

— Кофе — это хорошо, — ответил он. — Но мой босс предпочитает архивы девятнадцатого века. Так что рюкзак, старик. И флешку.

Дядя прижал рюкзак к груди так, будто тот был сделан из чистого урана-235.

— Никогда! Это наследие! Это кровь Италии! Это... это мои носки!

— Дядя, — тихо сказал я, не отрывая взгляда от ствола пистолета. — Отдай им рюкзак.

— Что?! — взвизгнул Амедео, поворачиваясь ко мне с выражением лица человека, которому только что предложили продать первенца за пачку сигарет. — Витторио, ты предал династию! Ты предал Кавура! Ты предал мои вяленые томаты!

— Дядя, у них пушки. У нас — мокрая Веспа и банка консервов. Отдай. Мы купим новые томаты. В супермаркете. Без тротила.

Я видел, как в его глазах мелькнула борьба. Гордость против инстинкта самосохранения. История против здравого смысла. Наконец, он тяжело вздохнул, ссутулился и медленно, с театральным стоном мученика, снял рюкзак с плеч.

— На, — буркнул он, протягивая мешок ближайшему бойцу. — Но знай: карма Савойских настигнет тебя. И она будет пахнуть орегано.

Боец взял рюкзак, открыл боковой карман и достал серебряную флешку в форме узла. Показал ее человеку в пиджаке.

— Есть, Синьор Ферро.

*Ферро*, — отметил я про себя. — *Лоренцо Ферро. Запомнить. Если выживу, погуллю. Или напишу некролог.*

— Отлично, — сказал Ферро, не опуская пистолет. — А теперь вы двое поедете с нами. Коммендаторе хочет поговорить.

Я почувствовал, как внутри меня что-то сжимается в тугой, холодный комок. Плен. Допросы. Подвалы без окон. Конец. Мой мозг, натренированный годами избегать ответственности, лихорадочно искал выход. Но выхода не было. Только туман, деревья и пять стволов.

И тогда дядя Амедео сделал то, что умеет делать лучше всего: он все испортил. Или спас. С Савойскими это одно и то же.

— Вито, — громко сказал он, и в его голосе прозвучала странная, почти детская нотка. — Помнишь, что я говорил про томаты?

Я моргнул. Мой взгляд метнулся к бойцу, который, любопытства ради, уже расстегивал основную молнию рюкзака. Его рука нырнула внутрь. Пальцы нащупали стекло.

— Что это? — спросил боец, доставая банку. Мутное масло. Красные ошметки. Стебелек базилика, плавающий на поверхности, как утопленник.

— Это... это закуска, — сказал Амедео невинным голосом, который обычно предшествует землетрясению. — Вяленые томаты. Очень острые. Рецепт Умберто Второго. Хранить в темном месте. Вдали от детей и идиотов.

Боец хмыкнул. Его пальцы сомкнулись на крышке.

Время замедлилось.

Я увидел, как металл крышки поддается. Увидел, как масло слегка колыхнулось. Увидел, как дядя Амедео медленно, почти незаметно, отступает назад. Увидел, как Лоренцо Ферро, человек в пиджаке, слегка напрягается, его ноздри расширяются, будто он уловил запах не орегано, а чего-то другого. Чего-то химического. Чего-то смертельного.

Мой мозг, обычно занятый расчетами температуры молока и графиками смен, вдруг выдал четкую, кристальную команду: *БЕГИ*.

Я не стал думать. Я не стал геройствовать. Я просто рванулся вперед, хватая дядю за воротник промокшего плаща и швыряя его на землю, падая сверху, прикрывая его своим телом, вжимаясь лицом в мокрую, холодную землю, пахнущую гнилью и корнями.

— ЛОЖИСЬ! — заорал я, и мой голос сорвался на хрип.

*БУМ!*

Мир взорвался.

Это не было кино. В кино взрывы — это оранжевые шары огня, замедленная съемка и героические прыжки. В реальности взрыв — это удар. Физический, тупой, всепоглощающий удар воздушной волны, который выбивает воздух из легких, заставляет звенеть в ушах и впечатывает лицо в грязь. Жар прошел надо мной, обжигая затылок, опаливая волосы. Земля подпрыгнула. Комья грязи, осколки стекла, капли горячего масла и что-то красное, липкое, пахнущее чесноком и кордитом, хлестнули по моей куртке, по шлему, по спине.

Звук пришел позже. Глухой, раскатистый, эхом отразившийся от холмов. Затем — крики. Не героические. Человеческие. Испуганные. Матерные.

— *Porca puttana!* Моя нога! — Глаза! Масло в глазах! — Где флешка?! Где рюкзак?!

Я поднял голову. Уши звенели, как церковные колокола в Страстную пятницу. В глазах плыли серые и красные пятна. Я кашлянул, сплевывая грязь и вкус жженого орегано.

Дядя Амедео подо мной шевелился. Он был жив. Очки съехали на нос, шляпа улетела, лицо было в красных брызгах, но глаза горели безумным, торжествующим огнем.

— Работает! — прохрипел он, смеясь истерическим, счастливым смехом. — Умберто не врал! Томаты работают! Витторио, мы гении! Мы чертовы гении!

— Вставай! — я рванул его за руку, поднимая на ноги. Мои колени дрожали. Руки тряслись. Адреналин впрыснулся в кровь, как чистый эспрессо в вену. — К Веспе! Сейчас!

Мы рванулись к мопеду. Туман, разорванный взрывом, начал сгущаться снова, но сквозь него я видел силуэты. Люди Ферро валялись на земле, ослепленные, оглушенные, покрытые томатной пастой и оливковым маслом. Сам Ферро стоял за стволом оливы, отряхивая пиджак, его лицо было маской ледяного бешенства. Он поднимал пистолет.

Я не стал ждать. Я перекинул ногу через сиденье, сел, вставил ключ. Дядя, крихтя и ругаясь, вскарабкался сзади, вцепившись в мои плечи так, будто я был последним спасательным кругом в цунами.

Я ударил по кик-стартеру.

Ничего. Двигатель чихнул, кашлянул и замер.

— Давай, родная, — прошептал я, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. — Не сейчас. Только не сейчас.

Ферро вышел из-за дерева. Пистолет поднялся. Ствол смотрел прямо на меня.

Я ударил снова. Сильнее. Вкладывая в удар всю свою злость, весь свой страх, всю свою ненависть к понедельникам, к наемникам, к истории, к собственной фамилии.

*ВЖЖЖЖ-БРРРРРР!*

Двигатель схватил. Заревел. Завибрировал так, что у меня заныли зубы. Дым из выхлопной трубы ударил в туман, разрывая его синей, вонючей пеленой.

— Держись! — крикнул я, выжимая сцепление, бросая передачу и выкручивая газ до упора.

Веспа рванула с места, как испуганный бык. Заднее колесо сорвалось в пробуксовку, взметнув фонтан грязи и листьев, затем зацепилось за грунт, и мы понеслись вперед, в гущу оливковых деревьев.

*ПУФ! ПУФ! ПУФ!*

Глухие выстрелы разорвали воздух. Пули взрывали землю в сантиметрах от заднего колеса. Одна чиркнула по багажнику, выбив сноп искр. Я не обернулся. Я не мог. Мой мир сузился до руля, до вибрации в ладонях, до просветов между стволами, до тумана, который теперь был моим единственным союзником.

Я вел Веспу не как транспорт. Я вел ее как танцор ведет партнершу в смертельно опасном танго. Влево — уклониться от ствола. Вправо — объехать камень. Газ — прыгнуть через канаву. Тормоз — занести зад, сбросить скорость, проскользнуть между двумя оливами, ветки которых хлестали по шлему и куртке, оставляя царапины и запах смолы.

Дядя Амедео орал мне в ухо, его голос срывался от восторга и ужаса:

— Влево! Влево, Витторио! Там овраг! Нет, право! Право! Кавур бы повернул право! Он всегда поворачивал право, когда австрийцы стреляли в спину! Газуй! Газуй, черт возьми! Мы Савойские, а не туристы на сегвее!

Я не отвечал. Я дышал. Вдох — выдох. Руки на руле. Колени сжимают бак. Глаза сканируют туман. Мозг просчитывает траектории. Каждая кочка отдавалась в позвоночнике. Каждый поворот заставлял мышцы бедер гореть. Веспа была живой. Я чувствовал, как она дрожит, как она сопротивляется, как она цепляется за землю стальными когтями шин. Мы были одним целым. Человек, машина и безумный старик на багажнике, цитирующий мемуары девятнадцатого века под свист пуль.

Мы вырвались из рощи. Впереди — склон холма, поросший кустарником, и внизу — лента провинциальной дороги, серая, мокрая, пустая. Пока пустая.

Я сбросил газ, накренил Веспу, входя в поворот. Гравий захрустел под колесами. Зад занесло. Я контррулением выровнял машину, чувствуя, как адреналин смешивается с чистым, животным страхом. Мы неслись вниз, набирая скорость. Семьдесят. Восемьдесят. Девяносто километров в час на винтажном мопеде по мокрому склону. Это было самоубийство. Это было прекрасно.

Сзади, из тумана, вырвался черный силуэт внедорожника. Двигатель ревел, шины грызли гравий. Они догоняли.

— Они сзади! — заорал дядя. — Вито, они сзади! У них полный привод! У нас — два колеса и молитва!

— Держись крепче! — крикнул я в ответ.

Я увидел впереди поворот. Крутой, закрытый, с обрывом слева и каменной стеной справа. Идеальная ловушка. Или идеальный шанс.

Я не стал тормозить. Я выжал газ до упора, накренил Веспу так, что подножка чиркнула по асфальту, выбив сноп искр, и нырнул в поворот. Центробежная сила вдавила меня в сиденье, выжимая воздух из легких. Мир накренился. Я видел только серую ленту асфальта, каменную стену в полуметре от моего плеча и туман, разрывающийся от скорости.

Внедорожник не вписался.

Я услышал скрежет тормозов, визг шин, глухой удар металла о камень. Затем — тишина. Только рев моего двигателя и свист ветра в ушах.

Я не стал оглядываться. Я выпрямил Веспу, выехал на прямую и увидел впереди то, что искал: утренний поток. Фургон с надписью «Latte Fresco», старенький Fiat Panda, грузовик с сеном. Обычная, скучная, прекрасная итальянская провинция.

Я сбросил скорость, влился в поток, пристроившись за фургоном с молоком. Туман сгустился, скрывая нас, превращая зеленую Веспу в еще один призрак на дороге. Пули остались позади. Погоня — позади. Смерть — позади. Пока.

Я медленно выдохнул. Воздух дрожал в груди. Руки, все еще сжимающие руль, начали мелко, неконтролируемо дрожать. Адреналин отступал, оставляя после себя пустоту, тошноту и звон в ушах. Я чувствовал запах жженого масла, кордита, мокрой шерсти дядинного плаща и своего собственного страха. Он пах кислым кофе и потом.

Дядя Амедео похлопал меня по плечу. Его рука была тяжелой, теплой, живой.

— Ты вел ее как король, Витторио, — сказал он тихо, без театральности, без цитат. Просто констатация факта. — Как настоящий Савойский.

Я не ответил. Я смотрел на дорогу, на серую ленту асфальта, уходящую в туман. Моя тихая жизнь бариста, моя кофейня, моя пенка, моя иллюзия нормальности — все это осталось там, в оливковой роще, разорванное взрывом вяленых томатов и свистом пуль. Я больше не мог притворяться. История, которую я так старательно игнорировал, догнала меня. И она не собиралась отпустить.

— Куда теперь? — спросил дядя, перебивая ветер.

Я сглотнул. Горло было сухим, как пустыня.

— В Турин, — сказал я. — Нам нужно исчезнуть. Сменить одежду. Вылечить нервы. И найти того, кто умеет читать шифры девятнадцатого века, не взрывая при этом кухню.

— У меня есть контакт! — оживился Амедео. — Девушка! Реставратор! Хакер! Гений! Она взламывала серверы Ватикана, чтобы доказать, что Микеланджело был левшой! Живет в архивах! Питается пылью и энтузиазмом!

Я закрыл глаза на секунду. Открыл. Дорога все еще была там. Туман все еще скрывал нас. Веспа все еще гудела под мной, верная, живая, моя.



— Отлично, — сказал я, чувствуя, как уголок моего рта невольно дергается вверх. Не улыбка. Скорее, гримаса принятия. — Звучит как начало очень плохого анекдота. Или очень хорошей проблемы.

Я прибавил газу. Веспа отозвалась ровным, уверенным ревом. Мы мчались сквозь пьемонтский туман, оставляя позади взрывы, пули и призраков прошлого. Впереди был Турин. Впереди была неизвестность. Впереди была история, которая больше не была скучными датами в учебнике. Она была живой. Она была опасной. И, черт возьми, она пахла орегано и жженым бензином.

Я больше не был просто Вито-бариста. Я был Вито Савойский-Аоста. Потомок королей. Хранитель тайн. И, судя по всему, будущий клиент психотерапевта.

Но пока у меня была Веспа. Пока у меня был дядя. Пока у меня был тампер в кармане и дорога под колесами.

Этого было достаточно. По крайней мере, до следующего поворота.

## Глава 5. Девушка, которая знала слишком много о фресках (Элена)

Старая бумага пахнет ванилью и миндалем.

Это не поэтическая метафора. Это чистая химия. Лигнин, полимер, содержащийся в древесной массе, из которой делали бумагу до середины девятнадцатого века, со временем распадается и выделяет летучие органические соединения. Если закрыть глаза и глубоко вдохнуть в подвале Государственного архива Турина, можно почувствовать запах ванилина, бензальдегида и немного — сладковатой гнили. Для большинства людей это запах пыли и скуки. Для меня это запах дома, тайн и, если повезет, очень дорогих инсайдов.

Меня зовут Элена Росси. Мне двадцать пять, я ношу свитера оверсайз, в которых теряются мои руки, и я умею подделывать мазки Караваджо так, что эксперты из Уффици плачут от умиления. Еще я умею взламывать закрытые серверы Ватикана через уязвимость в их системе управления климат-контролем. Но вот парадокс: я не умею варить пасту. Всякий раз, когда я пытаюсь сварить спагетти, они либо слипаются в единый углеводный монолит, либо превращаются в кашу. Видимо, мой мозг заточен под сложные многослойные структуры эпохи Возрождения и шифрование RSA, а не под кипящую воду и соль.

Я сидела в дальнем углу читального зала, окруженная башнями из папок с тесемками. На столе передо мной лежал планшет, модифицированный макро-сканер и увеличительное стекло в латунной оправе, которое я купила на блошином рынке у Porta Palazzo.

Официально я была здесь, чтобы изучить документы, связанные с пропавшей фреской неизвестного пьемонтского мастера XV века. Якобы она была закрашена в XIX веке, и мой «анонимный спонсор» (читай: очень богатый и очень нетерпеливый коллекционер с Кипра) хотел знать, где именно.

Но официально — это скучно. А я терпеть не могу скуку.

Пока мой скрипт парсил оцифрованные каталоги архива, я вручную листала физический гроссбух за 1859 год. Скучнейшая вещь на свете: траты на уголь для каминов, жалование конюхам, закупка сургуча. Но мой взгляд, натренированный замечать аномалии в перспективе и тенях, зацепился за одну строчку.

Почерк был не бухгалтерским. Он был резким, нервным, с характерным нажимом на перо, когда чернила чуть брызгают в конце слова. Я знала этот почерк. Я видела его на письмах, которые граф Камилло Бенсо ди Кавур писал своей любовнице, маркизе Вирджинии Ольдоини.

Я пододвинула латунную лупу.

*«14 марта. Выплата синьору Мюллеру, Цюрих. 5000 лир золотом и...»*

Я прищурилась. Чернила выцвели. Я достала из кармана ультрафиолетовый фонарик, щелкнула кнопкой и направила фиолетовый луч на пергамент. Невидимые глазу остатки железистых чернил слабо флуоресцировали.

*«...и передача компромата на австрийского посланника. За доставку одного (1) механического шифровального диска работы мастера Брегета. Для Протокола».*

Я замерла. Фонарик в моей руке дрогнул.

*Механический шифровальный диск. В 1859 году. Для «Протокола».*

Мой мозг, обычно работающий в режиме многозадачности, где одновременно крутятся три плейлиста, код на Python и мысли о том, не оставила ли я уют включенным, вдруг остановился. Сфокусировался.

Граф Кавур, архитектор объединения Италии, покупал у швейцарского часовщика стимпанк-хард-диск? И платил за него шантажом? Это не просто исторический курьез. Это был

Макгаффин. Тот самый «Пьемонтский Протокол», о котором шептались на темных форумах даркнета, считая его городской легендой. Считалось, что это архив, с помощью которого Савойские держали за горло всю Европу. И он был зашифрован на диске, который, судя по этому грассбуху, физически существовал.

Я быстро достала смартфон, отключила вспышку и сделала серию макро-снимков. Раз. Два. Три. Загрузила в зашифрованное облако. Удалила из галереи.

И в этот момент ванильно-миндальный запах старой бумаги изменился.

Это произошло почти неуловимо. Сначала я подумала, что это мне показалось. Но мой нос, способный отличить оригинальный ультрамарин XV века от синтетической подделки XX века по запаху связующего масла, зафиксировал чужеродный элемент.

Дешевый мужской одеколон.

Не какой-нибудь нишевый парфюм с нотками уда и табачного листа. Нет. Это был резкий, химический, агрессивный мускус с примесью цитруса, который пытался перекрыть запах табака и оружейного масла. Пахло человеком, который покупает дезодорант в супермаркете у кассы и считает, что харизма — это когда ты громко хлопаешь дверью.

Мое сердце сделало странный кувырок, пропустив удар, а затем ускорилося до ритма техно-марша. *Сто двадцать ударов в минуту. Сто тридцать.*

Я не обернулась. Оборот — это ошибка. Оборот выдает, что ты знаешь. Вместо этого я медленно, плавно, будто просто потягиваясь, отклонилась назад и посмотрела на стеклянную витрину справа от меня. В ней лежала карта Савойского герцогства 1712 года. Стекло было старым, с легкой дисторсией, но его было достаточно, чтобы видеть отражение прохода между стеллажами.

Двое.

Они шли не как туристы и не как исследователи. Они двигались с той пугающей, экономной грацией, которая бывает только у хищников и людей, привыкших выбивать двери. На них были темные куртки, не по сезону тяжелые ботинки на резиновой подошве и те самые невыразительные лица, которые запоминаются только после того, как ты увидишь их в полицейском фотороботе.

Они не смотрели на книги. Они смотрели на меня.

*Паника.*

Обычно паника описывается как холодный пот и туман в голове. Чушь. Настоящая паника — это гиперфокус. Это когда твои органы чувств выкручиваются на максимум, и мир распадается на миллион мельчайших, невыносимо ярких деталей.

Я слышала, как резиновая подошва левого ботинка первого мужчины с тихим, влажным чмоканьем отрывается от натертого паркета. *Чмок. Скрип.* Я видела, как пылинки, танцующие в луче света из высокого окна, разлетаются вихрем от их движения. Я чувствовала, как холодный металл ножниц для бумаги, лежащих под моей ладонью, впивается в кожу.

Они были метрах в пятнадцати. И сокращали дистанцию.

— Синьорина Росси? — голос первого был хриплым, с легким неаполитанским акцентом. Не элита. Местная обслуга. «Шестерки», посланные проверить зацепку. — Коммендаторе Галтьери хочет с вами побеседовать о ваших изысканиях.

*Галтьери.* Имя, которое в определенных кругах звучало как ругательство. Теневой олигарх, коллекционер компромата и человек, который, видимо, тоже читал грассбухи.

Мой мозг, за долю секунды до того, как адреналин ударил в мышцы, выдал мне три варианта действий. Первый: сдаться. (Отклонено. Я видела, что бывает с теми, кто сдается Галтьери. Их находят в порту, и они всегда выглядят очень неэстетично). Второй: применить боевые искусства. (Отклонено. Последний раз я занималась спортом, когда в школе мы играли в вышибалы, и меня выбили первой). Третий: использовать среду.

Я выбрала третий.

— Беседовать? — мой голос прозвучал на удивление ровно, хотя внутри у меня все сжалось в тугой комок. — Я не против. Но сначала мне нужно сдать архиварию вот эти фолианты.

Я резко, с силой, от которой хрустнули суставы, толкнула тяжелый деревянный стеллаж-каталку, стоявший рядом со мной. На ней лежала стопка несортированных налоговых деклараций Пьемонта за 1848 год. Сухая, пересушенная за полтора века бумага.

Стеллаж с грохотом поехал по паркету и врезался в следующий стеллаж.

Эффект был потрясающим. Полтора века пыли, спор плесени и микрочастиц пергамента взорвались в воздухе густым, непроглядным, удушающим облаком. Это была не просто пыль. Это была концентрированная история, которая мгновенно забила дыхательные пути.

— *Cazzo!* — заорал первый, закашлявшись и хватаясь за горло. — Мои глаза!

Второй выхватил что-то из-под куртки. Металл тускло блеснул в полумраке. Не пистолет. Электрошокер.

Я не стала ждать. Я схватила планшет, латунную лупу и рванула вглубь архива, в узкие проходы между высокими, до самого потолка, стальными стеллажами.

— Держи ее! — прохрипел первый, кашляя так, будто пытался выплюнуть легкие.

Я бежала. Мои кеды с плоской подошвой скользили по паркету. Я знала планировку этого зала лучше, чем свою квартиру. Влево, мимо секции «Дипломатическая переписка», прямо через дверь с табличкой «Только для персонала», вниз по черной лестнице.

Шаги за спиной. Тяжелые, быстрые. Они были больше меня, их ноги были длиннее. Они нагоняли.

Я влетела в служебный коридор. Здесь пахло уже не ванилью, а хлоркой и озоном от серверов климат-контроля. Лампы здесь мигали, отбрасывая рваные, стробоскопические тени.

*Стук моих собственных каблучков.* Нет, я в кедах. *Шлепок резины.* Он отдавался в висках. *Тук-тук-тук.* Слишком громко. Я дышала ртом, жадно глотая прохладный, кондиционированный воздух.

Впереди — массивная противопожарная дверь. Стальная, с доводчиком.

Я проскочила в проем и, не останавливаясь, развернулась, всем весом навалившись на тяжелую стальную ручку. Дверь с шипением начала закрываться. В щель, шириной в полметра, протиснулась рука в черной перчатке, пытаясь удержать ее.

— Открывай, сука! — рыкнул голос из-за двери.

Я увидела на полу, у стены, тяжелый огнетушитель. Я пнула его ногой, он покатился, и я, подхватив его, со всего размаху ударила им по пальцам в перчатке, торчащим из щели.

Раздался хруст и вопль, от которого у меня самой заныли зубы. Рука отдернулась. Дверь с глухим, герметичным *БАМ* захлопнулась, и магнитный замок щелкнул, запираясь.

Я сползла по стене, прижимаясь спиной к холодному металлу, и на секунду закрыла глаза. Сердце колотилось так, что, казалось, ребра вот-вот треснут. В ушах звенело.

Но радоваться было рано. Эта дверь задержит их на пять минут. У Галтьери много людей. Они обойдут через главный вход, или взломают замок. Мне нужно было уходить.

Я поднялась и побежала к запасному выходу, ведущему в переулок. Толкнула тяжелую железную дверь и вывалилась на улицу.

Турин встретил меня моросью. Мелким, противным, колючим дождем, который не льет, а висит в воздухе, пропитывая одежду насквозь за секунды.

Я оказалась в лабиринте дворов и арок. Туринские *portici* — крытые галереи, тянущиеся километрами вдоль улиц, — были моим единственным спасением. Я нырнула под своды, сливаясь с немногочисленными утренними прохожими.

Мой мозг, немного успокоившись после спринта, начал анализировать ситуацию.

Галтьери знал, что я ищу фреску. Значит, он отслеживал мои запросы в архиве. Он знал, что я нашла что-то не то. Но он не знал, *что именно*. Фотографии грессбуха были в моем зашифрованном облаке, к которому у меня был доступ только по отпечатку пальца и сетчатке.

Но сам факт моего существования теперь был под угрозой. Мне нельзя было домой. Нельзя в мою студию.

Мне нужно было найти того, чья фамилия стояла в гроссбухе. Савойские.

Я достала телефон, пряча его под полкой куртки от дождя. Пальцы дрожали, когда я вводила пароль. Я открыла защищенный мессенджер и набрала сообщение своему контакту в городской администрации, парню, который был мне должен за то, что я однажды починила ему базу данных, которую он случайно залил кофе.

*«Мне нужен адрес и место работы последнего известного представителя ветви Савойских-Аоста в Турине. Срочно. Вопрос жизни и смерти. И, если можно, без масонов».*

Ответ пришел через минуту.

*«Ты с ума сошла, Эл? Это тот самый странный тип, который варит кофе в спикизи за прачечной в Порта Палацио. 'Il Filtro'. Но его там нет. Он уехал по семейным делам часа два назад. Какая-то движуха на вилле за городом».*

Я замерла под сводами аркады, глядя, как капли дождя стекают по неоновой вывеске соседней пиццерии, окрашивая мокрый асфальт в ядовито-розовый цвет.

Он уехал на виллу. Два часа назад. Галтьери послал людей на виллу. Галтьери послал людей за мной.

Значит, на вилле что-то пошло не по плану. И этот Вито Савойский-Аоста, бариста и, судя по всему, хранитель самого опасного секрета Европы, сейчас был в беде. Или сам был этой бедой.

Я убрала телефон и посмотрела вдоль длинной, уходящей в туман перспективы крытой галереи. Где-то там, в серой пелене дождя, вырисовывались силуэты. Двое мужчин. Они не бежали. Они шли методично, заглядывая под арки, сканируя толпу. И один из них держал руку в кармане куртки так, будто там лежало что-то тяжелое и смертоносное.

Они нашли меня.

Я поглубже натянула капюшон, сжала в кармане латунную лупу — мое единственное, нелепое оружие — и свернула в узкий проход, ведущий к Пьяцца Кастелло.

Мне нужно было найти этого баристу. Мне нужно было понять, что такое этот чертов Протокол. И, что самое важное, мне нужно было выжить, чтобы рассказать об этом.

Я ускорила шаг, и мои кеды тихо зашлепали по мокрому камню. Игра началась. И, судя по запаху дешевого мускуса, доносившемуся из-за спины, мои оппоненты не знали правил.

Ничего. Я тоже не знала. Я всегда играла не по правилам. Особенно, когда дело касалось истории.

## Глава 6. Столкновение на Пьяцца Кастелло (Вито)

Турин в дождь похож на старого аристократа, который забыл зонт и теперь пытается сохранить достоинство, делая вид, что так и было задумано.

Мы въехали в город через промзону на окраине, слившись с потоком угрюмых фургонов и сонных пассажиров. Моя «Зеленая Молния» предательски чихала на каждом светофоре, будто обижаясь на то, что её заставили ехать по асфальту, а не по оливковым рощам. Дядя Амедео, сидевший сзади, больше не цитировал Гарибальди. Он молча дрожал, обхватив руками свой желтый рюкзак, с которого на асфальт капала смесь дождевой воды, оливкового масла и остатков взрывоопасных томатов.

Я свернул в узкий, мощный булыжником переулочек в районе Квадрилатеро Романо. Здесь, за тяжелыми деревянными воротами бывшего монастыря, держал свою мастерскую мой старый знакомый, Лука. Лука чинил всё: от антикварных карманных часов до двигателей для гоночных болидов, и, что самое важное, он не задавал вопросов, если ты пригонял ему байк с пулевым отверстием в багажнике.

Я загнал Веспу под навес, скинул ключи в почтовый ящик Луки с запиской *«Почини карбюратор, я заберу, когда перестану быть мишенью для ЧВК»*, и мы с дядей вышли на улицу.

Мы выглядели так, будто только что выбрались из стиральной машины, в которую кто-то насыпал взрывчатку и залил соусом песто. Моя кожаная куртка потрескалась от жара, волосы слиплись, а от дяди пахло так, что уличная собака, пробегающая мимо, чихнула и ускорила.

— Вито, — прошептал Амедео, поправляя съехавшую на ухо фетровую шляпу, из-под полей которой стекала вода. — Нам нужно в безопасное место. В конспиративную квартиру. У меня есть явка на Виа Рома! Там живет одна вдова, она прячет у себя беженцев из Австро-Венгрии с 1918 года!

— Дядя, Австро-Венгрии больше нет, — устало ответил я, натягивая капюшон. — И вдова, скорее всего, тоже. Нам нужно просто затеряться. Пойдем к Пьяцца Кастелло. Там толпы туристов, даже в такую погоду. Сольемся с массой.

Мы двинулись по направлению к центру. Туринские аркады — *portici* — были нашим спасением. Километры крытых галерей, где можно было идти, не промокая под дождем. Мраморные колонны, витрины дорогих бутиков, запах жареных каштанов и мокрой шерсти. Я шел быстро, опустив голову, сканируя толпу. Мой мозг, еще час назад занятый температурой молока, теперь работал как радар ПВО.

Каждый мужчина в темном пальто казался наемником. Каждая черная машина, притормаживающая у обочины, вызывала выброс адреналина. Я чувствовал себя голым, несмотря на куртку. У меня не было ни оружия, ни плана, ни даже чистой футболки. Был только тяжелый латунный тампер в кармане и дядя, который громко комментировал архитектуру.

— Смотри, Вито! Палаццо Мадама! — воскликнул он, тыча пальцем в величественное здание посреди площади. — Знаешь, кто там жил? Мария Кристина! Вдова Карла Эммануила! Она была умной женщиной, Вито. Она знала, что если муж умирает, нужно быстро занимать трон и менять замки!

— Дядя, тише, — прошипел я, хватая его за локоть и затаскивая под арку. — Ты привлекаешь внимание. Люди думают, что мы сбежали из психиатрической лечебницы.

— Пусть думают! — фыркнул Амедео. — Безумие — это привилегия аристократии!

Мы вышли на самую Пьяцца Кастелло. Огромная, величественная площадь, окруженная дворцами, казалась серой и безлюдной из-за дождя. Лишь редкие зонтики мелькали у фонтанов. В центре, возвышаясь над всем этим историческим величием, стоял Палаццо Мадама, его фасад отражался в лужах, как в разбитом зеркале.

Я остановился у колонны, чтобы перевести дыхание и решить, куда нам податься. В кармане куртки зазвонил телефон. Я вздрогнул. Это был не бакелитовый монстр дяди, а мой обычный смартфон. Экран показывал неизвестный номер.

Я сбросил вызов. Через секунду он повторился.

— Не бери трубку, — прошептал дядя, прижимаясь к колонне. — Это они! Масоны! Они звонят, чтобы запеленговать нас по вышкам!

— Дядя, это не масоны, это, скорее всего, Марко из кофейни, который хочет знать, почему я бросил смену, — огрызнулся я, но всё же ответил, прижав телефон к уху и закрыв второй рукой ротовую рот, чтобы заглушить шум площади.

— Алло?

— Синьор Савойский? — голос был женским, быстрым, с хрипотцой, будто девушка только что пробежала марафон. — Я не знаю, кто вы, но если вы потомок тех самых Савойских, то у нас проблема.

Я нахмурился. — Простите, вы ошиблись номером. И я не продаю пылесосы.

— Слушайте меня! — в голосе зазвенела сталь и паника. — Меня зовут Елена Росси. Я нашла грессбух Кавура за 1859 год. Галтьери знает. Его люди сейчас на Пьяцца Кастелло. Они ищут вас. И меня. Если вы рядом с Палаццо Мадама, не смотрите в сторону Виа Гарибальди. И ради бога, скажите своему дяде, чтобы он перестал махать руками, он похож на сломанный ветрогенератор!

Я медленно опустил телефон. Посмотрел на дядю, который действительно пытался отогнать голубя, размахивая лапами плаща. Затем я медленно, не поворачивая головы, скосил глаза в сторону Виа Гарибальди.

Там, под арками, стояли двое. Те самые. В темных куртках, с лицами, лишенными эмоций. Они не смотрели на витрины. Они сканировали площадь. И один из них, держа руку у уха, смотрел прямо на девушку, которая стояла метрах в тридцати от нас, у входа в метро.

Девушка в нелепом свитере оверсайз, с мокрыми волосами, прижатыми к голове, и латунной лупой в руке. Она говорила по телефону, глядя прямо на меня.

— Это вы? — спросил я в трубку.

— Это я, — ответила она. — И они меня заметили.

Один из наемников сделал шаг в её сторону. Девушка — Елена — побледнела, сунула телефон в карман и рванула с места. Она бежала не как спортсменка. Она бежала как человек, который всю жизнь просидел в архивах и теперь впервые понял, что ноги нужны не только для того, чтобы носить их в музеи.

Она неслась прямо к нам, лавируя между лужами и редкими прохожими. Наемники сорвались с места, расталкивая туристов.

— Дядя, — сказал я, чувствуя, как внутри меня снова закипает холодная, кристальная ярость. — Бежим.

— Куда?! — взвизгнул Амедео.

— Туда!

Я схватил дядю за рукав и потащил его в противоположную сторону от метро, к боковой улочке, где обычно стояли фургоны с уличной едой.

Мы бежали. Мои кроссовки шлепали по мокрому асфальту, дыхание рвалось из груди рваными клочьями. Дядя пыхтел сзади, как старый паровоз.

— Вито! Я не могу! У меня астма! И радикулит! И чувство собственного достоинства! — стонал он.

Я обернулся. Елена нагнала нас, её лицо было красным, волосы прилипли к щекам. — Вы идиоты! — выдохнула она, поравнявшись со мной. — Вы побежали не в ту сторону! Виа Рома перекрыта из-за ремонта! Мы в тупике!

— Спасибо за навигацию, Google Maps, — огрызнулся я, сворачивая в узкий переулок, пахнущий мусорными баками и жареным маслом. — Кто вы вообще такая? И почему за вами гонятся те же психи, что и за нами?

— Я реставратор! — крикнула она, перепрыгивая через лужу. — И я нашла доказательство, что Протокол существует! А ваш дядя, видимо, украл флешку, которая к нему прилагается!

— Я не украл! Я сохранил для потомков! — возмутился Амедео, спотыкаясь о булыжник. — И вообще, кто вы такая, чтобы указывать Савойским, куда бежать?!

Переулок заканчивался тупиком. Вернее, не тупиком, а небольшой площадкой для разгрузки товаров. И посреди этой площадки, сияя всеми цветами радуги, стоял он.

Фургон с джелато.

Это был не просто фургон. Это был шедевр итальянского китча. Выкрашенный в нежно-розовый и мятно-зеленый цвета, с нарисованными на бортах улыбающимися рожками мороженого и надписью «*Gelateria Bella Vita*» витиеватым шрифтом. Из открытой боковой двери доносился запах вафельных стаканчиков и ванили. На панели управления мигала надпись «Открыто», а из динамиков на крыше тихо играла какая-то слащавая поп-песенка про лето и любовь.

Водителя не было. Видимо, он отошел в соседнее кафе за кофе, оставив ключи в замке зажигания. Это была святая простота итальянского малого бизнеса, за которую я, наверное, буду гореть в аду.

— Залезаем! — скомандовал я, подбегая к фургону.

— В фургон с мороженым?! — Елена посмотрела на меня так, будто я предложил ей прыгнуть в вулкан. — Вы серьезны?! Мы спасаем наследие Италии в фургоне с клубничным сорбетом?!

— У тебя есть предложения получше? — я открыл боковую дверь и буквально зашвырнул дядю внутрь. Амедео с воплем приземлился на мешок с сахаром. — Залезай!

Элена, чертыхаясь на трех языках, карабкалась следом. Я запрыгнул последним, захлопнул дверь и перемахнулся через перегородку на водительское сиденье.

Ключи были в замке. Я повернул их. Двигатель фургона заурчал мягко, почти извиняюще.

В этот момент в переулке показались наемники. Они бежали быстро, их лица были масками концентрации. Один из них, увидев розовый фургон, на секунду замер, его мозг отказывался воспринимать нас как угрозу.

Я бросил фургон назад, выкручивая руль до упора. Задние колеса взвизгнули на мокром асфальте. Фургон развернулся, едва не задев мусорный бак, и я вдавил педаль газа в пол.

Мы вылетели из переулка на оживленную улицу, едва не протаранив проезжающий автобус. Звуковой сигнал автобуса слился с мелодией из наших динамиков, которая теперь орала на полную громкость: «*L'estate sta finendo...*» (Лето заканчивается...).

— Выключи это! — заорала Елена из будки для продажи, где она сидела на корточках, обхватив голову руками. — Мы угнали фургон с джелато под песню про конец лета! Это криминал против хорошего вкуса!

— Жалуйся в TripAdvisor! — крикнул я в ответ, лавируя между машинами. Фургон вел себя на дороге как пьяный бегемот. Он кренился в поворотах, скрипел всеми своими розовыми панелями и предательски вибрировал на скорости выше сорока.

Дядя Амедео высунул голову из окошка для выдачи мороженого.

— Они сзади! — завопил он, указывая назад. — Черный Fiat! Два! Нет, три! Витторио, используй тактический маневр «Отступление к Альпам»!

— У нас нет Альп, дядя! У нас есть только центр Турина и тридцать литров ванильного пломбира! — я резко дернул руль, сворачивая на трамвайные пути. Фургон подпрыгнул, и



где-то сзади раздался подозрительный звон разбитого стекла. Надеюсь, это была не витрина с хрусталем.

Элена перелезла через перегородку и плюхнулась на пассажирское сиденье. Она была бледна, её свитер был мокр, а в глазах горел лихорадочный, почти безумный огонек.

— Вы понимаете, что вы наделали? — она повернулась ко мне, её голос дрожал от смеси страха и возмущения. — Вы угнали транспортное средство! Это статья!

— Синьорина, — я бросил на неё косой взгляд, одновременно переключая передачу и объезжая яму. — Полчаса назад в меня стреляли люди, которые взорвали банку вяленых томатов. Поверьте, угон фургона с джелато — это самая невинная вещь, которую я сделал за сегодня утром. Кстати, меня зовут Вито. А это мой дядя, Амедео. И он, кажется, украл вашу флешку.

— Я не украл! — донеслось из будки. — Я реквизирувал для нужд династии!

— Я Элена, — она глубоко вздохнула, пытаясь унять дрожь в руках. — И эта флешка — не просто кусок пластика. Это ключ к «Пьемонтскому Протоколу». Вы хоть понимаете, что это?

— Честно? Нет, — ответил я, вливаясь в поток на Корсо Витторио Эмануэле II. — Я думал, это название сорта сыра или какой-то скучный исторический подкаст.

Элена посмотрела на меня с таким выражением лица, будто я только что признался, что не знаю, кто такой Данте Алигьери.

— Вы... вы же Савойский! — возмутилась она. — Ваш предок объединил Италию!

— Мой предок объединил Италию, а я объединяю арабику с овсяным молоком, — парировал я. — У нас разные навыки.

— Протокол, — Элена говорила быстро, жестикулируя, едва не задев рукой рычаг ручника. — Это архив. Шантаж, компромат, долговые расписки всех королевских домов Европы, собранные Кавуром и Виктором Эммануилом. В 1946 году, когда ваша семья уезжала в изгнание, Умберто II спрятал его. И оставил ключи. На флешке — карта и часть кода. Вторая часть — в вашем ДНК, или в какой-то мелодии, или... я еще не расшифровала! Но если Галтьери получит это, он сможет шантажировать половину парламента ЕС! Он обвалит евро! Он станет теньвым королем Европы!

Я молча смотрел на дорогу. Дождь барабанил по лобовому стеклу, дворцы шуршали щетками, размазывая грязь.

Теньвым король Европы.

Я представил себе Галтьери. Человека в дорогом костюме, который, вероятно, ест суши без соевого соуса и слушает подкасты про биохакинг. И он хочет стать королем.

— Знаете, Элена, — медленно сказал я, поворачивая на Пьяцца Статуто. — Я всю жизнь ненавидел свою фамилию. Я ненавидел эти портреты уса́тых мужиков в библиотеке. Я ненавидел, что меня в школе дразнили «Принцем-бомжом». Я просто хотел варить кофе.

Я посмотрел на неё. Её глаза были огромными, темными, в них отражался свет приборной панели и неоновые вывески за окном.

— Но если этот урод в костюме думает, что может украсть историю моей семьи, чтобы стать королем... — я усмехнулся, и эта усмешка вышла кривой, злой. — То он сильно ошибся. Савойские, может, и потеряли трон. Но мы до сих пор умеем делать очень, очень гадкие вещи людям, которые лезут в наши дела.

Из будки высунулась голова дяди Амедео. В руках он держал вафельный рожок и большую ложку розового джелато.

— Bravo, Витторио! — воскликнул он, облизывая ложку. — Истинно королевская речь! Кстати, у них тут отличный фисташковый пломбир! Настоящие орехи! Не ароматизаторы!

Элена посмотрела на дядю, потом на меня, потом на розовый фургон, несущийся по улицам Турина под звуки итальянской попсы. Она вдруг рассмеялась. Это был нервный, истерический, но искренний смех.

— Мы сумасшедшие, — сказала она, откидываясь на спинку сиденья. — Мы все трое сумасшедшие.

— Добро пожаловать в семью, — ответил я, выкручивая руль и ныряя в подземный тоннель. — Держись крепче, Элена. Сейчас мы покажем этим ребятам, как выглядит настоящий итальянский гран-тур.

Фургон с джелато взревел (насколько это мог делать фургон с джелато) и скрылся в темноте тоннеля, увозя за собой трех самых нелепых, самых опасных и самых итальянских героев, которых когда-либо видела эта страна. А где-то позади, в мокром тумане, люди Галтьери злобно ругались, пытаясь объяснить диспетчеру, что их цель только что скрылась на розовом фургоне, пахнущем вафлями и мятой.

## Глава 7. Допрос с пристрастием (и без глютена) (Лоренцо)

Если ад существует, то в нем, вероятно, нет огня, чертей и котлов со смолой. В аду, я уверен, просто вечная влажность, все носят пиджаки на размер меньше нужного, а из динамиков без конца крутят корпоративные тренинги про «проактивность и лидерские качества». И еще в аду абсолютно везде добавляют сливочный сыр. Даже в чай.

Я сидел за рулем своего Mercedes G-класса на стоянке возле безликого бизнес-центра на окраине Турина, смотрел на капли дождя, стекающие по лобовому стеклу, и пытался понять, в какой именно момент моя жизнь пошла под откос.

Скорее всего, в тот день, когда я решил, что профессия «фиксер для теневого олигарха» звучит круче, чем «бухгалтер в логистической компании».

С момента взрыва в оливковой роще прошло два часа. Два часа, за которые я успел: принять душ в спортзале для VIP-клиентов, переодеться в запасной костюм (на этот раз без пятен от взрывоопасных помидоров, но, кажется, я его пересушил в химчистке, потому что он жал мне под мышками так, будто был сшит для подростка-переростка), написать три варианта объяснительной записки для Галтьери и выпить четыре чашки эспрессо, которые на вкус были как батарейки, растворенные в кипятке.

Я достал из бардачка флакон с антацидами, высыпал две таблетки в рот и разжевал их. Вкус мела и мятного разочарования. Изжога, мой вечный спутник и единственный надежный друг в этом бизнесе, немного отступила.

Телефон в подстаканнике завибрировал. Имя на экране заставило мой желудок, и без того страдающий от антацидов, сжаться в тугий узел. *Коммендаторе Галтьери.*

Я сделал глубокий вдох, досчитал до трех, выдохнул и ответил, переключив звонок на громкую связь.

— Мастино.

Голос босса был ровным. Слишком ровным. Так звучит голос человека, который только что разбил вазу династии Мин, и теперь решает, то ли склеить ее, то ли купить музей, в котором она стояла, и сжечь его к чертям.

— Коммендаторе, — ответил я, стараясь, чтобы мой тон был воплощением профессионализма и легкой, здоровой покорности.

— Лоренцо, — Галтьери вздохнул. В этом вздохе слышалась тяжесть человека, несущего бремя мировой истории, или, по крайней мере, тяжесть человека, чьи акции только что упали на четыре процента. — Объясни мне, как человек человеку, без этих твоих дурацких корпоративных отчетов. Что, черт возьми, произошло на вилле Савойских?

Я закрыл глаза. Я знал, что этот момент настанет. В нашем бизнесе провалы не замечаются под ковер. Их препарируют. Вскрытие показывает все, вплоть до того, что ел оперативник на завтрак.

— Синьор, — начал я, выбирая слова так, как сапер выбирает, какой провод резать. — Объект, Амедео Савойский-Аоста, оказался... чрезмерно подготовлен. Мы ожидали безумного старика с мушкетом. Мы столкнулись с инженером-диверсантом, который превратил свой дом в полосу препятствий в стиле стимпанк. Сейф, к которому он получил доступ, оказался подключен к сигнализации, которая привлекла внимание его племянника, Витторио.

Я сделал паузу, формулируя следующую фразу так, чтобы она звучала наименее униЗИтельно.

— При попытке задержания в оливковой роще объект... использовал импровизированное взрывное устройство, замаскированное под банку консервированных томатов. Мы понесли

легкие потери в виде контузий и временной дезориентации. Цели скрылись на тюнингованной Vespa. Флешка, к сожалению, в суматохе была утеряна, предположительно, осталась в рюкзаке, который они увезли с собой.

В трубке повисла тишина. Долгая, вязкая тишина, в которой, как мне казалось, можно было услышать, как в кабинете Галтьери в Милане медленно, но верно умирают комнатные растения от его ауры.

— Банка... томатов? — наконец, переспросил он. Голос звучал так тихо, что мне пришлось прибавить громкость.

— Так точно, Коммендаторе. Вяленые, в оливковом масле. Предположительно, кустарного производства, но с весьма... активными добавками.

Я услышал звук. Звук, от которого у меня по спине пробежали мурашки. Галтьери рассмеялся. Это был не смех радости или веселья. Это был смех человека, который только что понял, что мир гораздо абсурднее, чем он думал, и решил этот мир переделать под себя.

— Мастино, — сказал он, и в его голосе снова появилась сталь. — Ты знаешь, почему я плачу тебе деньги? И, замечу, весьма немалые деньги, Лоренцо. Я плачу не за то, чтобы ты стоял в оливковых рощах и ловил банки с помидорами. Я плачу за результат. «Пьемонтский Протокол» должен быть у меня на столе завтра к полудню. И старый Савойский тоже. Если они потеряли флешку — найди их. Если флешка у них — забери. И, Лоренцо...

— Да, Коммендаторе.

— Больше никаких томатов. Найди их слабости. У всех есть слабости. Долги, женщины, болезни. Найди, надави, получи результат. Я хочу этот архив. Я устал от того, что Европой правят бюрократы, которые боятся собственного тени. Пришло время настоящих архитекторов истории. Мы строим новый мир, Мастино. И он начнется с этого Протокола.

Связь оборвалась.

Я опустил телефон, чувствуя себя так, будто меня только что отчитали за двойку по поведению в начальной школе, хотя я, вообще-то, держал в руках автомат Калашникова, пусть и образно говоря.

*Архитекторы истории.* Боже, как же меня тошнило от этого пафоса. Галтьери любил представлять себя таким современным Цезарем, Machiavelli в костюме от Loro Piana. На деле же он был просто очень богатым, очень властным шантажистом с манией величия и, подозреваю, аллергией на углеродные кредиты. Он реально верил, что, получив доступ к долговым распискам каких-то давно умерших эрцгерцогов и кардиналов XIX века, он сможет управлять Европой XXI-го. В эпоху крипто-скандалов и ИИ он собирался шантажировать мир бумажками, которые, возможно, уже давно потеряли актуальность.

Я завел двигатель. Мне нужен был кофе. Настоящий кофе, а не та бурда, что я пил последние часы. И мне нужен был информатор. Кто-то, кто знал Савойских не по интернет-форумам и архивам, а лично. Кто-то из их старого круга общения, пусть этот круг и сжался до размеров чайного блюдца.

У меня был только один контакт, который подходил под эти критерии. И он, разумеется, жил там, где нормальные люди стараются не появляться без вооруженной охраны. В самом сердце богемного, хипстерского и абсолютно невыносимого квартала Турина — Сан-Сальва-рио.

Кафе называлось «Корень и Стебель» и выглядело так, будто его спроектировал архитектор, ненавидящий удобство. Бетонные стены, голые лампочки Эдисона, свисающие с потолка на проводах, как спутанные волосы, и мебель, собранная, казалось, из паллет, найденных на свалке, но отлакированная до зеркального блеска. В воздухе висел густой, плотный запах обжаренных кофейных зерен, пачули и легкое, едва уловимое дуновение марихуаны, которое в Пьемонте все еще пытались маскировать под «ароматерапию».

За одним из столиков в дальнем углу, спиной к стене (профессиональная привычка, которая, в отличие от моих привычек в еде, меня никогда не подводила), сидел мой человек.

Донателло, для друзей просто «Донни», для налоговой — безработный, а по сути — главный сплетник и хранитель тайн старой туринской аристократии. Донни было за шестьдесят, он носил безупречно скроенный, хотя и изрядно потертый твидовый пиджак, шейный платок в горошек и монокль, который, я подозреваю, он надевал исключительно для того, чтобы сбивать с толку собеседников. В свое время Донни был то ли адвокатом, то ли арт-дилером, то ли сводником для представителей голубых кровей. Точного ответа он не давал, ограничиваясь туманными фразами о «дискреции и этикете».

Я подошел к столику. Донни поднял глаза от чашки с чем-то, что выглядело как процеженная болотная вода, и его лицо расплылось в улыбке, обнажив безупречные, явно имплантированные зубы.

— Лоренцо! Мастино! Дорогой мой, какое неожиданное, но оттого не менее приятное вторжение в мой утренний ритуал! — он широким жестом указал на пустой стул напротив. — Присаживайся. Ты выглядишь так, будто только что вышел из центрифуги, в которую кто-то забыл положить мешок для стирки.

Я сел, стараясь не поморщиться оттого, что мой пиджак в плечах снова напомнил о себе. Стул был без спинки и без подушки. Дизайнерский, мать его, минимализм.

— Доброе утро, Донни, — сказал я, подзывая официантку, девушку с пирсингом в носу и татуировкой в виде формулы фотосинтеза на предплечье. — Мне эспрессо. Двойной. И воды.

Донни покачал головой, глядя на меня с легким, снисходительным сожалением.

— Эспрессо в этом заведении, мой друг, это преступление против кофейного зерна. Здесь тебе подадут фильтр-кофе, заваренный методом пуровер, с нотками черники и легким послевкусием экзистенциальной тоски бариста. И он будет стоять столько же, сколько хороший коньяк.

— Мне все равно, Донни. Мне нужен кофеин и собеседник. В таком порядке.

Девушка с фотосинтезом кивнула и упорхнула. Я достал из кармана серебряный портсигар (я не курил уже пять лет, но любил держать его в руках во время сложных разговоров — он действовал как спиннер для нервной системы) и положил его на стол.

— Я ищу Савойских, — сказал я без предисловий, глядя Донни прямо в глаза. — Витторио и Амедео. Ветвь Аоста.

Улыбка Донни не исчезла, но стала чуть более... фиксированной. Он сделал медленный глоток своей болотной воды.

— Савойские, — протянул он. — Какая романтическая, какая... архаичная тема для утренней беседы, Лоренцо. Короли без корон. Призраки в собственных дворцах. Зачем тебе они? Ты же, насколько я знаю, специализируешься на более... актуальных проблемах. Корпоративный шпионаж, возвращение украденных крипто-кошельков...

— Я работаю на человека, который очень интересуется историей, — ответил я сухо. — В частности, периодом Рисорджименто и тем, что Савойские могли спрятать, уезжая в 1946-м.

Донни на секунду замер. Его рука с чашкой остановилась в воздухе. В его глазах мелькнуло что-то похожее на страх, который он тут же спрятал за маской светской скуки.

— 1946 год... Референдум... Уход в изгнание, — он поставил чашку. — Лоренцо, мой мальчик. Ты играешь с огнем. И огонь этот горел задолго до того, как твой наниматель купил свой первый костюм в кредит. Савойские — это не просто семья. Это... институция. Даже в упадке. Особенно в упадке.

— Мне нужны их контакты. Явки. Люди, которым они могут позвонить в случае, если, скажем, на их виллу совершат вооруженное нападение, и им придется бежать, — я достал из внутреннего кармана пачку банкнот, перевязанную резинкой. Евро, крупные купюры. Положил на стол, но не развязывал. — Я знаю, что старый Амедео параноик, но даже у параноиков

есть связи. Кому он мог продать антиквариат? Кому мог позвонить за помощью? У него должен быть круг доверенных лиц.

Донни посмотрел на деньги, потом на меня. Он был человеком старой школы. Деньги он брал только за услуги, но услуги эти стоили дорого, и платил он за них информацией, которая могла стоить жизнью.

— Ты знаешь, Лоренцо, — тихо сказал он, наклоняясь ближе, так, чтобы его голос не разнесся по гулкому, бетонному пространству кафе, — я знал Умберто II. Мы играли в гольф в Кашкайше, в Португалии, в шестидесятых. Он был человеком... сломленным, но гордым. И он, и его окружение, они понимали одну вещь. Королевская власть держится не на штыках. И даже не на деньгах.

Девушка принесла мой кофе. Чашка была огромной, белой, без рисунков. Кофе в ней был светлым, почти прозрачным. Я сделал глоток. Вкус был... странный. Как будто я пил чай из сушеных ягод, которые долго смотрели на дождь. И, что хуже всего, я почувствовал легкое покалывание в желудке. *Черт, они, наверное, добавили в него какое-то альтернативное молоко. Кокосовое. Или, не дай бог, овсяное с добавками лактозы для текстуры.*

Я поморщился, но сделал вид, что наслаждаюсь.

— На чем держится власть, Донни? — спросил я, отставляя чашку.

— На секретах, мой дорогой Мастино, — прошептал Донни, и в его голосе звучал театральный, почти мистический трепет. — На *ricatti*. На шантаже. Ты думаешь, почему Европа позволила Пьемонту проглотить все эти государства в девятнадцатом веке? Только из-за армии? Из-за харизмы Гарибальди, который, между нами говоря, был тем еще позером с сомнительной гигиеной? Нет. Кавур был гением не только дипломатии, но и компромата. Он знал всё про всех. Про австрийцев, про французов, про Папу Римского, про русских князей, про английских лордов. И этот архив, Лоренцо... он никуда не делся в 1946-м. Умберто его спрятал. И, говорят, спрятал так, что найти его может только тот, в ком течет правильная кровь.

Я слушал его, чувствуя, как изжога возвращается с новой силой, требуя антацидов, которых у меня под рукой не оказалось. *Секреты. Кровь. Шантаж.* Все то же самое. Только в более романтической обертке.

— Так к кому они побегут, Донни? — повторил я свой вопрос, чуть жестче. — Время идет. Мой работодатель теряет терпение. И, поверь, его нетерпение гораздо хуже моего несварения желудка.

Донни вздохнул. Он посмотрел на деньги на столе, потом в окно, на мокрую улицу Сан-Сальварио, по которой проносились студенты на электросамокатах, разбрызгивая воду.

— Есть одна девушка, — наконец, неохотно выдавил он. — Реставратор. Елена Росси. Она... одержима Савойскими. И, что хуже, одержима Кавуром. Старый Амедео считал её своим духовным наследником, потому что она, видите ли, умеет читать старые шифры и подделывать подписи так, что эксперты плачут от восторга. Она часто бывала на вилле.

Я вытащил свой телефон, быстро вбил имя в нашу внутреннюю базу данных, к которой имел доступ через защищенное приложение. *Елена Росси. Двадцать пять лет. Несколько призывов в полицию за мелкий вандализм в музеях, который они называли "перформансом". Хакерские атаки на закрытые академические серверы.* Профиль был чист, но с душком. Именно то, что нужно.

— Где её искать?

Донни пожал плечами. — В архивах. В подвалах музеев. Или в её студии в районе Banchette. Но, Лоренцо, я бы на твоём месте был осторожен. Если Савойские побежали к ней, значит, дело совсем плохо. Значит, они активировали то, что спало сто пятьдесят лет. И, знаешь ли, в нашем мире спящее обычно просыпается голодным.

Я спрятал телефон, забрал деньги со стола и встал. Мой желудок предательски булькнул, громко, в тишине, воцарившейся после ухода девушки-бариста. Донни деликатно сделал вид, что не заметил.

— Спасибо за консультацию, Донни, — сказал я, застегивая пиджак и чувствуя, как ткань врежется мне под мышки. — И за кофе. Вкус... незабываемый. Нотки экзистенциальной тоски особенно выражены.

Я развернулся и пошел к выходу, чувствуя на себе его взгляд. Я знал, что Донни, как только я закрою за собой дверь, достанет свой старомодный, кнопочный телефон (еще одна его причуда) и позвонит кому надо, предупредив о моем интересе. В нашем бизнесе информация течет в обе стороны. Я купил у него имя Элены Росси. Но завтра, возможно, он продаст Элене Росси то, что я её ищу. Таковы правила игры. И я в ней был всего лишь пешкой, пусть и в очень дорогом, пусть и в очень узком, пиджаке.

Я стоял под козырьком здания напротив «Корня и Стебля», глядя, как дождь барабанит по лужам. Мой телефон снова завибрировал. На этот раз это было уведомление из системы распознавания лиц, подключенной к городским камерам. Мы, фиксеры Галтьери, имели доступ к тем базам данных, к которым у полиции доступ был только по решению суда, да и то не всегда.

*Система выдала совпадение. Обнаружена камера 4В, Пьяцца Кастелло, два часа назад.*

На экране моего смартфона появилось размытое, снятое в дождь изображение. Вито Савойский, его безумный дядя в желтом рюкзаке, и... девушка в мешковатом свитере, бегущая рядом с ними. Елена Росси.

А за ними, размытыми тенями, мелькали фигуры моих коллег из Группы Бета. Идиоты. Они их спугнули. И, судя по направлению бега, цели скрылись в районе порта, где стояли старые склады и, что более важно, стоял старый, списанный, но, возможно, все еще на плаву флот рыбацких лодок, среди которых легко можно было затеряться.

Но самое интересное было не это.

Самое интересное было то, что, согласно логам городских камер и датчиков движения, они скрылись не на Веспе. И не пешком.

Согласно логам, угнанный ими в Квадрилатеро Романо фургон, принадлежавший некоей *Gelateria Bella Vita*, был замечен камерами на Корсо Витторио Эмануэле II.

*Розовый фургон с мороженым.*

Я стоял под дождем, чувствуя, как капли барабанят по моему дороговому, узкому пиджаку, как мой желудок требует антацидов, а мой мозг отказывается принимать реальность. Я, Лоренцо Ферро, элитный фиксер, провалил операцию, потому что мой противник взорвал банку помидоров, а затем скрылся, угнав машину, предназначенную для продажи вафельных рожков с шариками замороженного крема.

Если я расскажу это Галтьери, он, вероятно, уволит меня. Или пристрелит. В нашем бизнесе эти понятия часто взаимозаменяемы.

Мне нужно было их найти. До того, как это сделают другие, более жестокие, более прямолинейные люди, которых Галтьери держал про запас, как топор в чулане. Мне нужно было добраться до них, забрать флешку и...

И тут, стоя в этом промозглом пьемонтском дожде, глядя на размытые силуэты прохожих, я поймал себя на странной мысли.

*А что, если они правы?*

Савойский в кофейне, который просто хотел варить кофе. Старик, который взрывал помидоры, потому что верил в то, что его семья обязана хранить эти секреты. И эта девочка-хакер, которая, вероятно, просто любила историю и вляпалась во все это, как муха в мед.

А мой босс, Коммендаторе Галтьери, который мечтает стать "архитектором истории", шантажируя мир пыльными бумажками. Кто из нас в этой истории безумец?

Я тряхнул головой, отгоняя эти крамольные, опасные мысли. *Выгорание, Лоренцо, — сказал я себе. — Это просто выгорание, помноженное на лактозную недостаточность. Ты просто хочешь в отпуск. На Бали. Где нет Савойских, Галтьери и, самое главное, нет пиджаков.*

Но, садясь в свой G-класс и включая обогреватель, который наконец-то начал разгонять сырость, я знал, что в отпуск я не поеду.

Я вбил в навигатор адрес студии Элены Росси в районе Банчетте. Если они разбежались, то, возможно, она туда вернется, чтобы взять вещи или спрятать то, что нашла в архивах. Если нет — я найду там подсказку.

Моя работа заключалась не только в том, чтобы выполнять приказы. Моя работа заключалась в том, чтобы видеть то, чего не видят другие. И сейчас я видел, что игра изменилась. Мы больше не охотились за пассивными объектами. Мы охотились за людьми, которые только что поняли, кто они такие. И, черт возьми, они, кажется, начали получать от этого удовольствие.

Мотор взревел. Я включил передачу и выехал на мокрый проспект. В зеркале заднего вида отражались неоновые вывески, размазанные дождем в цветные пятна.

*Ну что ж, Ваше Высочество, подумал я, вспоминая лицо бариста, который стоял передо мной в оливковой роще без тени страха в глазах. Посмотрим, как хорошо ты варишь кофе, когда тебе приходится убегать от человека, которому очень, очень нужна антацидная таблетка и нормальный, безглютеновый завтрак.*



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.